

АЛЬМАНАХ

*сборник произведений выпускников
Пермского университета*

Альманах: сборник произведений поэтов и писателей, окончивших Пермский университет/Ж.А. Иванова, А.Г.Ижболдина, П.В. Иванова, Н.В. Клепиковская; Перм. гос. нац. иссл. ун-т. – Пермь, 2016. – 78 с.

В сборнике представлены рассказы, стихотворения, фрагмент романа выпускников Пермского университета. Некоторые выпускники достаточно известные писатели и поэты, а произведения некоторых можно увидеть только в их записных книжках. Сборник же обобщил лишь малую часть тех трудов, что создали выпускники.

Произведения публикуются в авторских редакциях.

Составители: *Жанна Алексеевна Иванова*

Полина Вячеславовна Иванова

Александра Григорьевна Ижболдина

Наталья Валерьевна Клепиковская

Редакционная коллегия: *Абасова Татьяна Александровна*

Дубровин Алексей Александрович

Караваева Светлана Борисовна

Клепиковская Наталья Валерьевна

Стерлигова Елена Алексеевна

Авторы биографических справок: *Жанна Алексеевна Иванова*

Полина Вячеславовна Иванова

Александра Григорьевна Ижболдина

Наталья Валерьевна Клепиковская

Корректор *Ж.А. Иванова*

Компьютерная верстка *Ж.А. Иванова*

Оглавление

Предисловие	4
Муратов Игорь	5
Айзенцон Сергей.....	6
Багимов Павел	7
Банников Дмитрий.....	21
Беликов Юрий	26
Возженников Валерий	32
Гельфанд Олег	37
Грибель Леонид.....	39
Дубровин Алексей	45
ЗаксМихаил.....	57
Павлов Павел.....	59
Раков Вячеслав	60
Смолин Станислав	64
Федотова–Ивашкевич Светлана	71
Чашин Елисей.....	76

Предисловие

Идея альманаха, который бы собрал поэтические перлы студентов университета, принадлежит Леониду Сотникову - выпускнику исторического факультета, моему предшественнику на посту директора студклуба, человеку не совсем собранному, но всегда фонтанирующему творческими проектами. Он очень хотел издать такое собрание к 100-летию.

Однако мало хотеть. Понятно, что издание требует вложения кропотливого труда и солидных средств. Этого в ресурсах у него не было. В университете идея понравилась, и началась работа по поиску возможностей. Первоначальный замысел представить только поэтические тексты перешел в решение публиковать и прозу тоже. Сначала предполагалось печатать только малоизвестные, не имеющие других публикаций произведения. Позже это ограничение тоже ушло. Два года усилий пока что привели только к данному результату. Зато у этого варианта есть дальнейшая жизнь и продолжение. Мы надеемся, что ресурс будет пополняться, что у него появятся не только читатели, но и поставщики новых словесных драгоценностей.

Наталья Клепиковская

Право быть услышанным

Каждому из выпускников университета есть что сказать и о годах учёбы, и о том, как сложилась жизнь. Чьи-то литературные опыты остались там, среди друзей молодости, чьи-то стали судьбой и профессией.

Альманах, задуманный и подготовленный в университете к такой красивой и важной дате, мог бы стать совсем иным: с эталонными текстами признанных поэтов и прозаиков, строгим, стройным, академически выверенным. Но первый выпуск из серии запланированных состоялся именно в таком виде. И вот почему.

За текстами читатели услышат живые голоса людей, которым есть что сказать о самом важном в жизни, "о времени и о себе". Материалы альманаха неравноценны, принцип их расположения – по алфавиту – позволяет быть справедливыми и поставить рядом профессиональные и любительские произведения.

Университет учил нас думать, слушать других, отстаивать своё мнение. Каждый автор имеет право быть услышанным.

Светлана Караваева

Перед вами первый выпуск Альманаха произведений выпускников. Именно первый. За ним будет второй, третий...

Приглашаю выпускников всех лет и всех факультетов создавать вместе с нами следующие выпуски Альманаха. Планируется, что Альманах будет издаваться 2 раза в год. Надеюсь, что в нем появятся авторские рисунки, картины, фотографии, шаржи.

С уважением и ожиданием материалов для Альманаха,
Елена Стерлигова sterl@psu.ru

Игорь Муратов

Выпускник физического факультета 1974 года.

Гимн университету

Есть счастье плыть под свежими ветрами
И воздухом пронзительным дышать,
Надеждою любовью и стихами
Разметить жизни белую тетрадь.

Есть счастье жить студенческой оравой,
Где все «твое» и ничего «мое»,
Где дух весны не хочет зряшной славы,
Не терпит даже запаха ее.

И как бы нас с тобой не разлучили,
Куда ни развели бы нас года,
Ты вспомни - локоть к локтю мы учились
Законам Чести, Мужества, Добра.

Мы от одних корней - ты помни это!
Не изменяй же дому своему,
Не изменяй же Университету
Мы всем своим обязаны ему.

Ему принадлежим - судьба такая,
И мы судьбою этой дорожим
Еще и потому, что знаем, знаем -
России вместе с ним принадлежим.

Из записной книжки Н. Клепиковской

Сергей Айзенцон

Выпускник физического факультета 1971 года. Сейчас готовит к выпуску уже пятый сборник своих стихов. Для ознакомления с его творчеством, как он называет, «малыши».

XXX

Бывает, что чудесная строка,
Оставшись в ручке, высохла без толку,
Бывает, что великая судьба
Тебя не дождалась, а намекнула только...

XXX

С годами всё больше сужается круг, –
Всё меньше без нужд к нам протянутых рук.

XXX

Наивно я тешусь надеждой,
Что жизнь бесконечна, как нить,
Претит мне давно неизбежность,
Что буду когда-то «не быть».
И это «не быть» не заметят
Ни речка, ни клён, ни гора,
Пичуга, возможно, отметит,
Что крошек не стало с утра...

XXX

В самообмане искренне купаясь,
Себе мешаем истину познать.
Обман же ласков, им мы наслаждаясь,
От горькой истины стремимся убежать

XXX

Ночное время истинным зовётся,
Поскольку видимость не создаётся.

Из записной книжки Н. Клепиковской.

Павел Багимов

Павел Михайлович Багимов – выпускник биофака 1985 года. С 1981 по 1984 год – член комитета ВЛКСМ ПГУ, командир оперативного комсомольского отряда. Вокалист ВИА «Бригантина». После окончания университета работал в школе № 69 г. Перми, с 1986 года – на комсомольской работе в Пермском горкоме, обкоме ВЛКСМ – РСМ. С 1995 года служит в органах безопасности.

П. В. Иванова

Главный Салют

... Лёнька проснулся от укола в глаз тоненького солнечного лучика, пробившегося сквозь дырявую крышу сарая. Открыв глаза, он увидел десятка два таких лучиков, пронзавших в разных направлениях густой воздух сеновала, и подумал, что с такой крышей, как ни ложишься, а утреннее солнышко достанет в любом углу... Где-то под ним звонко били о стенки подойника струйки молока – мама уже добралась до Милки – флегматичной однорогой коровы. Батя за этот рог в прошлом году сторговал целый полтинник, и Милка обошлась семье всего в шесть пятьдесят, хотя доилась прекрасно. Лёнька представил здоровенную кружку с Милкиным молоком, ломоть хлеба, и настроение сразу улучшилось...

Через мгновение Лёнька – политрук разведроты Леонид Харченков – скатился под нары, и через пару секунд вой приближающегося снаряда завершился ударом близкого взрыва. Сбрякали котелки, отовсюду посыпался песок, жаркий воздух блиндажа наполнился пылью.

– Однако, рядом, – пробасил сибиряк Саша Баринов.

– Плакал наш завтрак, – подхватил Шилкин.

Больше вопрос не обсуждался – всем и так было ясно, что снаряд угодил где-то в районе полковой кухни.

«Какой сон испоганили, твари!» – подумал Лёнька, но вслух ничего не сказал. Остальные обитатели блиндажа и не пытались укрыться – разведка строила себе блиндаж на славу, и только прямое попадание немецкого крупнокалиберного могло их там достать. Ну, а этого тоже не боялись – экономя силы, яму под блиндаж рыли в самой большой воронке. Как водится, в одну и ту же воронку снаряд...

Скоро полтора месяца как педантичный фашист начинал свой плановый обстрел нашего «передка» ровно в пять сорок пять утра. «Побудка началась!» – смеялись бойцы. Впрочем, невесело смеялись: были ещё и «обедня» – в тринадцать тридцать и «вечерняя поверка» – в двадцать два сорок. Редкий день эти обстрелы уносили чью-нибудь жизнь, но приятно мало. Уже давно всё существование в районе смоленской деревеньки с грозным названием Марс было приспособлено под мрачный график.

Недовольный собой, Харченков вылез из-под нар, сердито отряхивая одежду от песка. Негоже прятаться неизвестно от чего, когда тебе целых девятнадцать лет, из которых ты

почти год как младший политрук Красной Армии! Украдкой выглядывая сквозь сумрак блиндажа усмешки бойцов, Лёнька не спеша начал обуваться. Усмешек не наблюдалось – с кем не бывает! Все бойцы знали, что первого врага их политрук встретил на второй день войны, когда колонну безоружных деревенских пареньков первого военного призыва встретил немецкий десант с кучкой местных предателей. Тогда десяток откормленных рослых инородцев, весело гогоча, «великодушно» постреляли в воздух и хозяйским тоном приказали «войску» расходиться по домам. Большинство призывников так и сделали... До сих пор ослеплённый унижением того дня, Лёнька иногда скрипел зубами и украдкой кусал бушлат от ненависти к фашистам... и самому себе...

Посмотрев на трофейные швейцарские часы со светящимся циферблатом, Лёнька подсчитал, что до конца обстрела осталось два-три взрыва. Так и есть – ровно в шесть ноль пять «музыка» затихла. Вырвавшись на свежий утренний воздух, слегка отравленный снарядной гарью, Лёнька зажмурился от низких утренних лучей. «Совсем, как во сне», – подумалось ему. В этот момент и попался на глаза попался ефрейтор Казаков – кубанский казачок, служивший посыльным при штабе дивизии, спешивший со стороны деревни в расположение роты. Один за другим выползавшие из блиндажа бойцы столбенели от удивления – уж очень давно во время обстрела ни штаб полка, ни дивизии не гоняли людей на передовую во время обстрела. Не иначе что-то очень важное!

– Балашова и Харченкова срочно в штаб дивизии! – не доходя тридцати шагов, бледный, как мел, Казаков плюхнулся прямо на землю, жадно хватая ртом воздух.

За эти полтора месяца в районе штаба дивизии не упало ни одного снаряда или бомбы, поэтому разведчики живо представили, каково было ефрейтору в чистом поле несколько минут назад.

Лёнька метнулся обратно в блиндаж за полевой сумкой и автоматом, а когда тут же вынырнул обратно, у входа, нетерпеливо поглядывая на часы, стоял умытый, побритый, подшитый и начищенный капитан Балашов.

В октябре сорок первого под Москвой Харченков и Балашов – такой же необстрелянный, но кадровый молодой лейтенант, вместе принимали разведроту. Балашов был старше Харченкова всего на два года, и хотя все их считали большими друзьями, для Лёньки Балашов всегда был Командиром. Со студенческих лет и ранее, в своей комсомольской юности, Харченков всегда был заводилой у сверстников и здесь, для своих бойцов он тоже был настоящим командиром, но Балашов в каких-то неприметных мелочах всегда чуточку опережал Леонида. Вот и сейчас, именно в это утро, Балашов проснулся и привёл себя в порядок до «побудки», и наверняка уже успел проверить посты, всё прочее немудрящее хозяйство разведроты.

Через полтора часа Лёнька, волнуясь в ожидании чего-то необычайного, стоял навытяжку перед начальником штаба дивизии полковником Клемахиным, слушал чёткий и бесстрастный доклад Балашова об их прибытии и в очередной раз завидовал его спокойствию и выдержке. В штабе дивизии, несмотря на длительное затишье, шла какая-то напряжённая работа. «Неужели наступление?! – мелькнула мысль, тут же пресечённая приглашением Клемахина к столу...

Заканчивался первый год войны. Никто на свете не знал, сколько их ещё будет впереди. Кошмар того, что уже успело произойти не укладывался в Лёнькиной голове. Давно

прошла эйфория от зимнего наступления под Москвой. Сколько бойцов их полка полегло за этот год, а они практически не покидали родной Смоленщины. В полосе обороны ленькиной дивизии прямо напротив передовой его полка в руках у фрицев находилась станция Занозная.

– Заноза она – и есть заноза! – Досадовали все – от кухонного ездового до комдива генерала Прокофьева: через эту станцию проходили все гитлеровские эшелоны. Но между передовыми узкой кишкой протянулось огромное непроходимое шестидесятикилометровое болото.

– ...По агентурным данным на Занозной дислоцируется штаб инженерной службы группы армий «Центр», – голос Клемахина приблизился к той черте, за которой, обычно, следует приказ.

– Задача! Захватить «языка» из числа офицеров, максимально приближённых к руководству этого штаба. Срок на подготовку – неделя, на выполнение задачи – четыре дня. Обоим принять личное участие в операции! Детали – у командира полка. Вопросы есть?

– Никак нет! – Балашов ответил почти мгновенно.

– Плохо, что нет! – Клемахин устало вздохнул. – Присядьте, ребята!

Только сейчас Харченков обратил внимание на осунувшееся лицо начальника штаба, покрасневшие от беспокойной ночи глаза.

– Часовые вокруг станции стоят на прямой видимости. На той стороне от самого болота до насыпи лётчики насчитали до восьми траншей с фашистами. Потому то сюда вас с политруком и позвал, что у меня у самого сплошные вопросы. – Клемахин отбросил карандаш и достал папиросу.

– Разрешите выполнять? – поднялся со стула Балашов.

Начальник штаба хотел что-то ответить, но, внимательно посмотрев на разведчиков, только махнул рукой.

Трое суток рота утюжила чёртово болото в поисках прохода на ту сторону. За это время смогли углубиться только на два километра. И то большую часть пути пришлось гатить. Ну, ещё пару можно пройти. А дальше? Последние три – три с половиной километра укладывать лес на глазах у фрицев?

– Не стреляйте, гансы дорогие, дайте до вас добраться! – проняло даже невозмутимого командира. Обломок карандаша в повисшей тишине скатился с карты и ударился об пол избы бабки Пелагеи.

– Ты чего имущество портишь, сынок? – кряхтя старуха подобрала обломок. – Тебе, штоль, на ту сторону надо? Так ты Митрича с Засекино попытай! Он до войны каждую субботу через тоё болото в Занозу за водкой бегал! – Бабка Пелагея зашаркала в свой угол.

В деревне, куда тоже иногда долетали фашистские снаряды, никто из полка не жил. Зато всякий командир норовил приспособить уцелевшие домишки под свой штаб. Крайний дом бабки Пелагеи делили комбат-1 и Балашов. Сама она, пока у неё ругались, курили, ели, пили – в общем, работали военные, часами сидела в своём углу, безучастная ко всему происходящему. И только изредка выбиралась оттуда, чтобы смести или подобрать с пола какой-нибудь мусор. Большинство из посетителей её дома даже не слышали голос хозяйки.

– Ну, ты, мать, даёшь! – Протянул командир второго взвода Вася Белобокин. – Что же ты раньше молчала?

Старуха молча уселась в свой угол, не удостоив постояльцев ответом.

Балашов поморщился от досады.

– Разведка! Всем, ведь, известно: ни в Марсе, ни в Засекино магазинов не было. За всяким товаром народ в район ездил. А русский мужик к водке везде самую короткую дорогу найдёт!.. Леонид, собирай делегацию к Митричу!

Через три часа Митрич – такого же неопределённого, как и бабка Пелагея, возраста дедок, деловито топтался вдоль болота весело матюгая фашистов. Было отчего повеселеть! Харченков без труда нашёл Митрича в последней уцелевшей хате Засекино в единственной рваной рубашке без пуговиц, портках и лаптях на босу ногу, высохшим от голода. Теперь же дед, одетый и обутый в новёхонькое солдатское обмундирование, сыто бормотал:

– Это же надо ж – селёдка! Вот имя-то чудное! ... А-а-а! Вот от этой рогатки я туда и топал!..

Лёнька, всё ещё не веря в удачу, поставил на карте жирную красную точку... Ещё через два часа маршрут, начинавшийся от этой точки был нанесён на карту дёрганной красной кривой, оканчивающейся на вражеском берегу в нужном месте...

Полуденное солнце успело раскалить влажный воздух. Терзавшее с утра комарьё попряталось в тень, но ему на смену прилетели полчища оводов и слепней, ежесекундно садящихся на мокрых сверху – от пота, а снизу – от болотной жижи семерых бойцов. «Побудка» 11 июня застала их далеко от своего берега, но лишь спустя шесть часов группа добралась до твёрдой земли под соснячком, которая, как и обещал Митрич, в этом месте начинался в километре от вражеского берега.

– Богато живут, сволочи! – Восьмипудовая фигура Васи Зубкова, выросшего на курских хлебах, бесшумно перетекла из кустов к Балашову, разглядывавшему свежие коробки из-под печенья, пустые консервные банки и бутылки с надписями на чужом языке.

Командир укоризненно посмотрел на богатыря. Васе многое прощалось в роте – по части добывания, а самое главное – доставке «языка», ему не было равных. С осени сорок первого не один фриц прокатился на могучих Васиных плечах в знаменитом грязном матрасе, сейчас плотно свёрнутым у него за спиной. При своём гигантском росте Зубков мог, как медведь, совершенно бесшумно скрадывать добычу, но сейчас болтовня, даже вполголоса, могла закончиться пулемётной очередью гитлеровского секрета.

Вслушиваясь сквозь звон мухоты в звуки близкой станции, разведчики медленно продвигались вдоль узкой полоски твёрдой земли всё ближе и ближе к врагу. Увешанные всевозможными стреляющим, рвущим, режущим железом, одетые в одинаковую форму без знаков различия, они безмолвной тенью скользили от куста к дереву так, что ни одна из многочисленных весело щебечущих птах не отозвалась тревожным вспорхом на звук треснувшего сучка.

Слева шла группа прикрытия, возглавляемая Харченковым. Вперёд он выслал забайкальского таёжника Шилкина. Парень как потомственный промысловик-охотник, не только снайперски бил из своего карабина, но и как никто другой, мог издалека обнаружить невидимого человека. Говорит, что по запаху. Врёт, наверное. А, впрочем, кто его знает? На войне всякое возможно!

Позади себя Лёнька, не слышал – чувствовал неотступный шаг пулемётчика Цыганкова. Зрелый мужик, мастеровой, типичный горожанин, отец троих дочерей Цыганков относился к каждому выходу за «языком», как токарь-лекальщик к изготовлению несложной детали – спокойно, деловито, без единого лишнего движения или слова. Лёнька помнил, как

Цыганков на своём первом выходе за линию фронта как-то совсем уж буднично ударом финки снял часового, а потом в одиночку какими-то размеренными пулемётными очередями сдерживал целую ораву галдящих и стреляющих во все стороны гитлеровцев.

К вечеру группа, рыщущая по краю леса в поисках подхода к станции, упёрлась в еле приметную лесную дорогу. Балашов вопросительно посмотрел на Баринова – тоже прекрасного следопыта-таёжника. Тот утвердительно кивнул: лесная дорога, по которой, видимо, до войны жители Занозной ездили на покосы, использовалась не далее, как сегодня утром. Словно, в подтверждение этому, со стороны леса раздался храп лошади. Бойцы мгновенно растворились в кустах.

Из-за поворота показалась подвода. Четыре явно тылового вида фрица дремали на лопатах, как попало сваленных на дне телеги. Топот лошади скрадывался густым ковром молодой июньской травы. Карабины, сваленные вперемешку с лопатами, свидетельствовали о том, что пассажиры подводы имели самое отдалённое отношение к строевой службе и не ожидали никакой опасности ни со стороны леса, ни со стороны болота.

– Всем внимание! – Из самого ближнего к дороге куста на секунду в немом приказе показалась поднятая рука Балашова.

– Рассредоточиться! – Рука описала в воздухе энергичный круг.

В этот момент из дальнего конца берёзовой галереи послышались звуки губной гармошки, и показалась следующая подвода. На третьей, помимо тыловиков, сидели двое немцев в касках и с автоматами на шее – охрана. Вместо четвёртой телеги через минутую другую из-за поворота выкатил чёрный фаэтон, влекомый рослым мощным жеребцом. Последний нервно вскидывал головой и всхрапывал. «Почуял!» – подумалось Лёньке.

Нет. Судя по сонному виду ездового, он привык к таким фокусам коня. Пассажирами фаэтона оказались здоровенный пузатый немец лет пятидесяти с огромной шарообразной головой в дорогом мундире с замысловатыми погонами и молодой щуплый офицерик – полная противоположность соседа – по-видимому, вестовой.

«Генерал! Ей богу, генерал!» – Лёнькино сердце готово было выпрыгнуть из груди. «Ну что же, ты, командир!» – Лёнька чувствовал, как выросло напряжение в окрестных кустах, представил, как Зубков с развёрнутым матрасом, приготовился прыгнуть на фаэтон, как другие бойцы разобрали цели...

Красная потная рожа «генерала», сдувающего комаров, медленно проплыла мимо последнего бойца группы... За фаэтоном с интервалом в одну – полторы минуты проскрипели ещё три подводы с немецкими сапёрами и пехотинцами. Потом всё стихло...

– Так, политрук! – голос Балашова был спокоен, – жирного будем брать завтра вечером! Если не появится, то у нас есть ещё два дня. Но он появится!

– Появится! – уверенно подтвердил Баринов. Он, как и Балашов, успел разглядеть, что до сегодняшнего дня дорогой пользовался тот же набор повозок. А главное – фаэтон. Следы его резиновых протекторов отпечатались на лесной дороге, по меньшей мере, шесть раз.

– Ждём!

В начале девятого следующего утра вид чёрного фаэтона с «генералом» отозвался в Лёнькиной душе таким восторгом, что он на некоторое время отвлёкся от своей главной задачи – сидя на дереве, почти над дорогой, сосчитать всех до единого немцев и учесть всё их вооружение. Ещё сутки назад, когда Лёнька с товарищами только начал углубляться в

болото, он с пронзительной ясностью осознал, что, если они не добудут нужного «языка», никто из них не вернётся живым в родной полк. Догадка пришла после того, как их вышел провожать сам командир полка Бастрыкин и, вручив Харченкову две пары красных и зелёных патронов к ракетнице, выдохнул:

– Сынки! Будете возвращаться с немцем, если будет жарко – красная и зелёная – всей дивизией поддержим!

«Всей дивизией! Вот для этого ты, брат, Лёнька и родился. И жил, и учился, и воевал. Нет тебе дороги назад без «языка!»» Лёнька это понял не сразу. И никто не понял. Разве что – Балашов. И ещё – Гусев. Гусев – давний напарник Васи Зубкова, немного ниже его и старше лет на семь, в разведроту попал рядовым прямо из кремлёвской комендатуры, где успел дослужиться до капитана. Никто его не спрашивал, за какие такие грехи его разжаловали. Дальше расспросов вроде: «А ты Сталина часто видел?» дело не заходило, поскольку Гусев больше чем двумя словами ни на какие вопросы не отвечал. И вообще, говорил больше по-немецки, и то, только когда его задействовали, как лучшего переводчика дивизии...

«Проклятые комары! Проклятое болото! Проклятая Россия!» – начальник инженерной службы главного штаба группы армий «Центр» полковник Фридрих Герхард фон Фогель с нескрываемым раздражением посмотрел на своего адъютанта младшего лейтенанта Затцеля. Последний – прыщавый юнец, непригодный даже для того, чтобы таскать портфель оберста, непрерывно крутился, хлопая себя по всем частям тела.

«В маршевую роту сопляка!» – Фогель в который раз пожалел, что дал согласие пристроить возле себя сына знакомого богатого бюргера, поклонившемуся высокородному соседу двумя прекрасными свиньями. Дело было даже не в свиньях! Перед этим, в сентябре сорок первого сам фельдмаршал фон Бок, представляя Фогеля своему штабу, отметил:

– Я счастлив приветствовать среди нас германского гения полевой фортификации полковника фон Фогеля, который через месяц будет прогуливаться по Москве в генеральских погонах!

После таких слов Фогелю хотелось выглядеть среди окружающих добрым и великодушным. И тут-то, как нельзя «кстати», подвернулся Затцель со своим отпрыском.

И где она, Москва? Где генеральские погоны?! Остался только тупой Затцель и это проклятое болото!

Неделю назад, когда Фогелю по секрету сообщили, что в эту кампанию наступление будет развёрнуто гораздо южнее, и ему предстоит проторчать в этой дыре ещё несколько месяцев, он решил убрать свой штаб подальше от станции, которую приноровились почти ежедневно и довольно успешно бомбить русские лётчики. А такое важное дело, как планировка собственного штаба Фриц Фогель никому доверить не мог. Да и заниматься подсчётом эшелонов с цементом, лесом и прочей дрянью в постоянном ожидании очередного авианалёта куда как менее предпочтительно, чем попивать французский коньяк в спокойном июньском лесу. Даже в компании с чёртовыми комарами! Сейчас лес кончится и «германскому гению полевой фортификации» до завтрашнего утра опять придётся вдыхать угарный стационарный воздух...

Фаэтон резко завалился набок от прыгнувшего на него страшного огромного человека. Вязкая темнота обрушилась на полковника. В диком ужасе он хотел закричать, но воздуха на крик уже не осталось...

По команде Балашова группа захвата метнулась к коляске. Сам командир сшиб с облучка ездового и занёс над ним руку с финкой, но видя, как тот, икая от страха, застыл в параличе, быстро сунул финку в ножны и бросился на помощь Гусеву, который повиснув на поводьях свирепого жеребца, пытался привязать его к дереву. Когда они вдвоём справились с этим зверем, Вася Зубков с непомерно раздувшимся матрасом на плечах мелкими тяжёлыми шагами бежал в сторону группы Харченкова. За ним Баринов пинками гнал перед собой щуплого ординарца с портфелем в обеих руках.

Слушая, как за спиной удаляются шаги группы захвата с пленным, Лёнька, стараясь как можно медленнее считать до ста. Пока он держал в прицеле автомата поворот дороги, за которым две минуты назад скрылась предшествующая фаэтону подвода с охраной. Он знал, что чуть левее держат в прицелах другой поворот Цыганков и Шилкин. Они не считали. Они ждали его Харченкова команды.

«...семьдесят восемь, семьдесят девять, восемьдесят...» – со стороны левого поворота показалась следующая подвода...

«Доедут, не доедут...» – по Лёнькиным подсчётам, охрана должна заметить пустой фаэтон на счет «сто».

«...девяносто восемь, девяносто девять, сто!» – по взмаху руки Лёнькина команда по одному: Шилкин – Харченков – Цыганков» откатились по намеченному пути метров на восемьдесят в сторону болота и вновь залегла.

Сразу за этим раздались истошные вопли, хлестнули первые автоматные очереди. Явно наугад.

«...восемнадцать, девятнадцать, двадцать!» – группа прикрытия в прежнем порядке без выстрелов отступила к следующему рубежу. Здесь на границе болота и узкого языка твёрдой земли, по которому уходили ребята, им предстояло пробыть десять минут. И, если понадобится, принять бой. Скорей всего последний в их жизни...

Десять минут тянулись часами. Пальба в лесу нарастала, расширялась, но не приближалась в их сторону. Напряжение спадало... «Трусят, гансы!» Без подкрепления не сунутся.

Выждав ещё пару минут сверх положенного, Лёнька с товарищами, уже не оглядываясь, припустился бегом вслед Балашову.

Начальник инженерной службы главного штаба группы армий «Центр» полковник Фридрих Герхард фон Фогель пришёл в чувство, оказавшись на «пятой точке», погружённый по горло в вонючую болотную жижу.

– Херр оберст желает и дальше путешествовать в матрасе? Или предпочитает идти пешком? – безукоризненный немецкий поначалу сбил Фогеля с толку...

– Мне повторить свой вопрос?

Склонившийся над ним огромный человек в замызганной русской солдатской форме и интеллигентным лицом показался немцу порождением его бредового воображения, но, когда он увидел рядом трясущегося Затцеля, у которого даже не потрудились снять с пояса нелепый по сравнению с субтильным телом пистолет, несостоявшийся генерал понял, что пойдёт с этими людьми, куда бы они не приказали....

За час до рассвета, когда до нашего берега оставалось ещё километра два, Лёнька, оглушенный близкими разрывами немецких снарядов, вдруг подумал: «А ведь не дойти!»

Минут через сорок после захвата фашисты начали утюжить болото всеми калибрами. Поначалу садили куда попало. Но постепенно гитлеровцы определили направление отхода наших разведчиков, и тяжёлые снаряды стали ложиться всё ближе и ближе...

Когда Лёньку окатило ледяной грязью, выброшенной очередным близким разрывом, перед глазами вдруг встал комполка Бастрыкин.

«Будете возвращаться с немцем, если будет жарко – красная, зелёная...»

– Братцы, мы же с немцем! – Непослушными пальцами Лёнька взвёл курок ракетницы... Красная... Зелёная...

Не успели погаснуть разноцветные огни, как наша сторона отозвалась залпом всех двадцати пяти дивизионных «катюш». Противоположный берег всколыхнулся заревом разрывов.

Вот так поддержали! Вся дивизия салютовала своим семерым бойцам! Впереди у Лёньки будет ещё много салютов, и даже тот самый – Салют Великой Победы, когда он, Лёнька – капитан Харченков, кавалер Ордена Боевого Красного знамени, многих других орденов и медалей пронесёт по Красной Площади знамя своего полка. Никто из семерых, кроме него, не доживёт до этого Великого Салюта. Но этот салют, встреченный им посреди бескрайнего смоленского болота, навсегда останется самым Главным салютом Лёнькиной жизни!

Скверик Пушкина

Если посмотреть на любой большой город с высоты птичьего полёта, то всегда можно обнаружить...ну, не то чтобы достопримечательности, а скорее те места, куда будет стремиться взор, а за ним и ноги. Скажем, овеванные веками кварталы старого города, пышные парки-скверы, старые и новые площади и проспекты, впечатляющие масштабами замысла коллективного архитектора. Европейские столицы не в счёт – им всё это досталось исторически. Но даже уродливые сталагмиты Нью-Йоркских небоскрёбов, традиционно гоняемые по ТВ, ещё никому не смозолили глаза. Вот и в каждом нашем, даже не старом городе-гиганте, помимо рядов ухоженных изысканных особняков исторического центра, есть хотя бы один по-настоящему широкий проспект с величественными порождениями соцклассицизма, изобилующими башенками, шпилями и колоннами.

В этом же городе не было ничего. Даже пресловутый главный проспект был хаотично обставлен представителями всех архитектурных стилей последних пяти десятилетий. Конечно места, радующие глаз, имелись, но до того жалкими клочками, что в редкие для этих мест погожие выходные они забивались отдыхающими горожанами, как привокзальная площадь.

Ну, а этот сквер был настолько мал, что даже в такие дни в него никто не заглядывал. Наверное, поэтому власти затолкали сюда единственный в городе памятник Пушкину. Кому он нужен, этот Пушкин? Правильно! Только учителям литературы окрестных школ, изредка приводившим сюда на урок пушкинианы весело гомонящих от очередной халявы учеников. Один класс влезает – и ладушки... Ну, пару раз в году соберётся на свою тусовку

литературная общественность (выклянчили всё-таки денег на своего идола!) – так этих и того меньше будет...

Утро было обычным. Серёга – старший опер «убойного» отдела горУВД, среднего роста русоволосый сероглазый крепыш, неприязненно поглядывая на грозившее занудным осенним дождём мрачное небо, спешил на встречу. Позади утренний чай с холодной котлетой, ворчливые спиногрызы – одному в третий класс, другому в садик, трамвайно-троллейбусные давки. Опять забыл зонтик. Последние триста-четырееста метров пешком. Перекрёсток. Впереди ещё три. Красный свет. Зелёный. Пошли. Слева, как-то нервно вильнув, взвизгнула резиной грязнущая иномарка. Взвизгнула дважды: первый раз, сорвавшись с места от входа в офис какой-то фирмы, второй раз, резко затормозив на красном светофоре, пропуская Серёгу и других пешеходов.

О, чёрт! Все трое в машине – водитель и два пассажира были в клоунских масках!

Не успев свести в голове все концы, Серёга выхватил ПМ и оперев его в немигающую маску водителя, что-то громко прорычал. Через секундную паузу рядом с дурацкой рожей водилы взорвалось тысячей брызг лобовое стекло. Мозги по-прежнему безнадежно запаздывали. Ничего не соображая, не слыша ни своих выстрелов, ни автоматной очереди из машины, опер мгновенно взял левее и подряд выпустил три пули навстречу огненным сполохам. После его второго выстрела автомат бандита замолчал. Мушка «макарова» вернулась на своё место – между больших белых глаз маски. Ещё через мгновение включился звук, ворвавшийся в Серёгины уши адовой какофонией – визг женщин, рев двигателей, вопли двух выбегающих из офиса камуфлированных амбалов – охранников...

– Только дёрнитесь, твари! – А это уже его собственный голос.

– Руки на затылок! Сидеть!

Мысли стали догонять события. Засаднило лицо – ага, это от осколков. Охранники в слезах и соплях – газа хапнули. Тот, что с автоматом не спешит поднимать руки – значит, точно труп! Амбалы, матерясь, почему-то рвут дверь именно со стороны трупа.

– Водилу вытаскивайте! – Не опуская пистолета, Сергей начал отдавать команды...

– Мордой на асфальт!.. Да, не об асфальт!.. Орлы! Что раньше-то не пинали?!

Маска, сидящая за спиной водителя, держит руки за головой, не выпуская из них пистолета.

– Брось пушку, придурок! – ствол ПМ требовательно качнулся от носа ко лбу маски и обратно. Пистолет бандита скользнул ему за шиворот, там и остался...

За спиной Сергея приветственно взвыла милицейская сирена, послышался топот ног. Волна облегчения, возникшая было в душе, тут же исчезла, когда Серёга полетел лицом на капот машины бандитов от увесистого толчка в спину, одновременно теряя выбитый дубинкой ПМ. Через пару секунд мордой на асфальте лежали все – бандиты, охранники, опер и даже труп.

– Вот идиоты! – Уже жалел об удивительно быстром появлении группы немедленного реагирования ближайшего райотдела. Хотя, как сказать, быстром. Тех двух минут (а райотдел был всего в двухстах метрах), налётчикам за глаза хватило бы на полный отрыв. А потом...

– Мужики! Ну, ладно меня, а этого то зачем с места сдёрнули? – Серёгина рука яростно метнулась в сторону трупа, – как я теперь за мертвяка отмазываться буду?!

Так и есть. Первые два часа нахлынувшее начальство, на всякий случай, неодобрительно косилось на Сергея, как будто бы он виноват, в том, что из восьми пуль, выпущенных в него в упор, ни одна не нашла цели.

Только к концу дня, когда опер осознал, что для него история закончится всё-таки не жёстким разбирательством, а премией или ещё чем-нибудь приятным, Серёга стал вспоминать, как он оказался на этом перекрёстке. Сквозь гудящий в голове колокол он стал прокручивать все события дня. Сколько раз он пересказал всё, что с ним произошло за две минуты? Восемь раз? Десять? Потом час написание рапорта. Затем два часа на допрос прокурорским следком... Кто ещё там был? В толпе милиционеров и зевак мелькнула какая-то знакомая физиономия. Точно! Он же шёл на встречу...

С «Бородой» он познакомился несколько лет назад, когда ещё работал на «земле» в Центральном РОВД. Бывший старший научный сотрудник университета, «Борода» оказался в «клоповнике» райотдела, будучи уличённым в краже. Опытный глаз опера сразу отметил несоответствие мужичка той обстановке, к которой привыкли и опера и их «клиенты». Хотя на первый взгляд, тот же бомжовский вид, те же бегающие глаза. В соответствии с материалами проверки гражданин Истомин Василий Венедиктович, 1951 г.р. путём свободного доступа проник в квартиру гражданки Григорьевой Раисы Викторовны и тайно похитил тридцать пять рублей, лежащие на столе в единственной комнате квартиры потерпевшей. В своих объяснениях злоумышленник сообщил, что ранее давал займы гражданке Григорьевой указанную сумму денег, долго не мог забрать их обратно, пока, узнав о получении заявительницей пенсии, не пришёл к ней в очередной раз за долгом. Дверь оказалась не запертой, хозяйка с сожителем и бутылкой возлежала подле одного стола, а остатки пенсии – шестьдесят рублей пребывали в ожидании, когда, проснувшись, хозяева поменяют их на следующую порцию спиртного. Не достучавшись до сознания Раисы, кредитор отсчитал из стопки мятых пятёрок свои кровные и «скрылся с места преступления».

Василий Венедиктович был типичным порождением эпохи – у нас, что ни гений, то обязательно алкоголик. Автор многочисленных научных трудов, кумир студентов-практикантов химфака не знал нужды в ежедневной дозе «химически чистого» ректификата. Потом, на закате перестройки его светлые мозги оказались не востребованы, студенты перебрались в бизнес, лаборатория закрылась, и у Василия Венедиктовича не осталось ничего, кроме алкогольной зависимости. Из остатков лабораторного оборудования бывшее светило, а ныне ханыга по кличке «Борода» соорудил гениальный, как и всё прочее, самогонный аппарат, бесперебойно поставляющий отменного качества продукт практически из любого органического сырья. Тем и жил.

Сергей долго боролся между соблазном выдать на «гора» очередное «раскрытое преступление» и чисто человеческим желанием отпустить мужичка на все четыре стороны. В конце концов человек в нём победил мента и, вздохнув, опер взял бланк постановления об отказе в возбуждении уголовного дела.

Убеждённый дежурной сменой в том, что он является самым отъявленным преступником в районе, «Борода» с явным недоверием второй раз вчитывался в исписанный лист.

– Не веришь? Правильно не веришь! – Сергей начал привычный разговор. Всё-таки, мент в нём сидел надёжно. – Сам понимаешь, старик, «за так» у нас ничего не делается...

Так на свет божий появился новоиспечённый агент уголовного розыска «Пушкин». Почему «Пушкин»? Когда Василий Венедиктович понял, что от него требуется и зашёл разговор о месте их будущих встреч, то первое, что пришло ему в голову, это сквер у памятника Пушкина.

– Это почему вдруг там? – Серёга крикнул от неожиданности. Дело в том, что скверик с памятником вплотную примыкал к клубу УВД с тыльной части строения. С одной стороны, такая близость места встречи с агентом к зданиям милиции запрещалась правилами конспирации, а с другой, никакому настоящему «жулику» и в голову не взбрело бы устраивать рандеву с опером в подобном месте.

– Знаете, – забормотал «Борода», – я Пушкина очень люблю... А так, ждал бы вас не в какой-нибудь подворотне, а рядом с Александром Сергеевичем...

– Ну, у Пушкина, так у Пушкина, – начиная разговор, Серёга и так знал, что толку от «Бороды» не будет, поэтому легко махнул рукой на инструкции и присвоил агенту соответствующий псевдоним...

Пискнув тормозами, «уазик» остановился посреди большой грязной лужи. Сергей хотел было ругнуть водителя, но быстро убедился, что в другом месте не припарковаться – всё пространство, включая черные, не проросшие ещё газоны, было заставлено милицейскими автомобилями. Лужа знаменовала собой вход в подъезд новой, как и все дома в этом микрорайоне, двенадцатизэтажки. От вида труповозки у Сергея окончательно пропало желание покидать машину. Что ему там делать? И так всё ясно: женщина с разбитой головой без денег и золота. Не ясно только, какой гад это сделал!

Сияясь не промочить ноги, Серёга побрёл в сторону подъезда – надо же засветиться перед начальством и изобразить присутствие в деле от начала и до конца. Начало – вот оно, тут. А насчёт конца... Почти три месяца подряд по всем жилым микрорайонам города, кто-то с постоянством добросовестного трудяги долбит по голове железякой женщин, забирая при этом кошелек и золото. Из пятидесяти пяти случаев семь, точнее теперь уже восемь закончились труповозкой. Те, кто выжили, не говорят ничего. Или потому, что ничего не видели, или не хотят. Впрочем, кое-кто просто не может говорить. За это время «убойщики», не видевшие последние пару месяцев выходных, просидели сотни часов на совещаниях и заслушиваниях, отработали тысячи подозреваемых... Ага, вот и сейчас местный участковый, победоносно сияя глазами, тащит из соседнего подъезда татуированного парня. Умное начальство брезгливо отворачивается, неумное гневно краснеет и добыча, оставшись невостребованной, предстаёт перед глазами Сергея.

– Завтра подойдешь в райотдел и расскажешь операм, где сегодня был и что делал. По минутам. – И Серёга тоже отвернулся.

Участковый растерянно-досадливо захлопал глазами. Ох, уж эти управленцы! Стараешься тут для них!..

Урка мгновенно приосанился, отряхнулся от участкового и, развернувшись обратно, горделиво прогнусавил:

– Я же тебе говорю, начальник, ежели чего украсть – это по нашей части, но убить!..

На следующее утро у Сергея должна была быть встреча с «Пушкиным». Даже с двумя.

А. С. Пушкина Серёга тоже любил. «Борода» покривил душой насчёт ожиданий встречи у памятника великому поэту. Ожиданием занимался опер, поскольку это не он, а агент хронически опаздывал. Но, удивительное дело, Сергей почти никогда не раздражался, проболтавшись у памятника лишних полчаса. Ходя кругами вокруг подёрнутого зеленью монумента, он быстро забывал про «Бороду», про «темняки¹» и мыслями оказывался где-то рядом с живым и молодым ещё Александром Сергеевичем.

Он не просто любил его. Так получилось, что Пушкин для Серёги оказался единственным поэтом. Самой первой серёгиной книжкой был большой красочный сборник сказок А.С. Пушкина. Впитывая в себя музыку его стихов, четырёхлетний мальчишка снова и снова просил отца или маму перечитывать ему знакомые строки. Всякий раз детское сердце то тревожно замирало, то торжествуя громко стучало, то очаровано баюкалось на волнах «синего моря». Очень скоро Серёжка запомнил все сказки наизусть. Однажды отец объявил гостям, что его пацан уже давно выучился читать и, весело подмигнув, сунул Серёжке книгу. Важно полистав страницы, мальчишка начал нараспев:

*«Три девицы под окном
Пряли поздно вечерком...»*

Первая страница, вторая,... гости, затаив дыхание, зависли над мальчишкой. Уже никто не обращал внимания на маленького вундеркинда. Все взрослые дяди и тётки превратились в детвору, в первый раз переживающую судьбу неведомого князя Гвидона...

Внезапно погас свет. Запнувшись на секунду, маленький декламатор продолжил:

*«Ветер по морю гуляет
И кораблик подгоняет...»*

Первым расхохотался отец, который выключил свет, сообщив, что шутка может затянуться до конца сказки. Потом стало весело всем. Только Серёжа был огорчён, и он чувствовал, что многие взрослые тоже разочарованы, потому что им – он знал это – очень понравилась его, серёжкина, сказка...

После Пушкина знакомство с другими поэтами не вызывало у Сергея таких сильных чувств, поэтому он так и не полюбил поэзию, до сих пор считая других поэтов лишь подражателями Александра Сергеевича.

За несколько лет хождения вокруг памятника, опер изучил его так досконально, что даже с закрытыми глазами представлял себе каждую трещинку на постаменте, каждую складку на одежде поэта, появившуюся там по капризу скульптора. Случись Сергею увидеть этот памятник где-нибудь в совсем другом городе, он тут же бы заявил: «Ба, да это же НАШ Пушкин!». И ему уже давно не хотелось, чтобы этот Пушкин оказался в другом месте. Сколько раз, представляя этот проходной скверик кусочком Летнего сада, подходя к памятнику, ему хотелось протянуть руку и тепло, как старому другу сказать:

– Ну, здравствуй, Александр Сергеевич! Как дела? Ты тут случайно не видел Женю Онегина?..

Накануне, когда Сергей собирался выезжать на очередной труп, Сергею позвонил «Борода» и сбивчиво затараторил:

– Сергей Сергеич! Тут такое дело... Нам надо бы срочненько...

– Не суетись, давай, что можно, по порядку! – Серёга уже привык к тому, что всякий раз «Борода» вызывая его на встречу, намекает на очередной след «самой главной мафии».

¹ Преступления, не раскрываемые длительное время

Связывает драку в соседнем доме с убийством Листьева, а кражу в овощном магазине с происками Чубайса...

– Ну, вы, наверное, слышали... Ну, женщин палками по голове... и побрякушки с них... ну, вы меня поняли...

– Ну, слышал... слышал, дальше что?

– Так вот. Сосед-пацан... Надо мной прямо... Каждый вечер поздно домой...

– И что? Все они поздно домой возвращаются!

– Так я и заглянул... Ну, как бы соли попросить... И увидел!

– Ладно! Сегодня уже некогда, давай завтра с утра!

– Завтра, так завтра... А то, он посмотрел на меня так...

На следующее, после перестрелки утро, Серёга, как всегда, забыв зонтик, дождался под проливным дождём «Бороду». У них была договорённость, которую, впрочем, тот соблюдал через раз, при несостоявшейся встрече, приходиться к памятнику на следующий день в то же время.

Струйка воды стекала по лицу поэта, но в отличие от опера, он не пытался натянуть на уши плащ, а, не обращая внимания на непогоду, всё также задумчиво смотрел перед собой. И опять, забыв приготовленные проклятья в адрес «Бороды», Сергей возобновил свой давний спор с поэтом:

– Ну, здравствуй, Александр Сергеевич! Ну, и в чём же тут, при такой погоде, «очей очарованье»?.. Разве что, после пятой рюмки!...

«Заболтавшись» с Пушкиным, Серёга едва успел на совещание и соображая, как без ущерба для здоровья вытащить «Бороду» на встречу, вполуха слушал начальника с его суточной сводкой:

... – будучи в нетрезвом состоянии выпал с балкона собственной квартиры по адресу.... Истомин Василий Венедиктович, 1951 года...

... – ушла из дома и не вернулась Ложкина Тамара Дмитриевна, 1928 года...

Стоп! Назад! Истомин Василий Вене...

– Шеф! Я выйду! – не дожидаясь реакции начальника, под удивлёнными взглядами коллег, Сергей выскочил за дверь, и, перепрыгивая через две ступеньки, побежал вниз в дежурную часть уточнять обстоятельства по Истомину.

Три часа спустя сосед «Бороды» Кулагин Дмитрий Борисович – щуплый бледный паренёк двадцати лет, стараясь не глядеть на пригоршню рваных цепочек, маленьких серёжек и колечек, лежащую на столе рядом с куском ржавой от крови арматурины, сбивчиво бормотал про маленькую стипендию в техникуме...

Сначала Серёга вспомнил, как в прошлом году осудили Саньку Белоглазова – молодого, но способного опера Промышленного РОВД, разбившему морду такому же пареньку. Тогда за неделю у них в районе у шестерых женщин сорвали с ушей серёжки. Не сняли, а именно сорвали. Как всегда, никаких примет. Ребята в засадах страшно рисковали – если выскочить раньше, то только спугнёшь и ничего потом не докажешь. Если позже – как потом смотреть в глаза задыхающейся от боли и ужаса искалеченной женщине, даже если преступник будет у них в руках? У Саньки хватило нервов – выскочил в самый раз. Но когда задержанный гадёныш поведал, что главное – это покрепче схватить и порезче дернуть, у опера перегорели предохранители...

Серёгины предохранители были на пределе. Нет! Из-за тебя, козла, я под суд не пойду! Ты у меня сам в камере удавишься!

Потом Серёга вспомнил, что при осмотре квартиры Истомина среди скудной обстановки алкоголика на книжной полке рядом с дюжиной каких-то толстенных запылённых химических монографий, стоял свежезатрёпанный томик стихов Пушкина, который он, списав на оперативные расходы, подарил «Бороде» два года назад на день рождения... Серёге стало нечеловечески стыдно. Он понял, что если это дерьмо повесится в камере из-за него, то он никогда больше не сможет зайти в скверик и сказать:

– Ну, здравствуй, Александр Сергеевич!..

Дмитрий Банников

Дмитрий Сергеевич Банников – пермский поэт, выпускник юридического факультета ПГУ. В Пермский университет Д. С. Банников поступил сразу после школы, но уже на втором курсе был призван в армию, где и начал писать свои первые стихи. После возвращения из армии молодой поэт окончил Пермский университет (в 1992 году), после чего начал карьеру юриста: два года работал в районной юридической консультации, затем в юридической консультации «Корпоративное право».

Параллельно с этим Д. С. Банников продолжал писать стихи, хотя совмещать творчество и работу было нелегко: «Львиную часть времени «съедает» работа, сама по себе творческая, но в принципе мешающая выражать себя в чем-то еще». В 1994 году у поэта вышел первый сборник стихов «Постоялец». После Д. С. Банников публиковался в сборнике поэтической группы «Монарх». В 1999 г. поэт был принят в члены Союза российских писателей. В 2003 году (уже после смерти поэта, попавшего в автокатастрофу) вышел второй и последний сборник «Пора инспектировать бездну».

Одним из главных достоинств Д. С. Банникова как поэта является его способность видеть в простых, обыденных вещах нечто непостижимое. Особенно ярко эта особенность проявляется в поздней лирике. Стихотворения Д. С. Банникова метафоричны. Часто они представляют собой описания картин природы, которые ассоциативно перекликаются с другими темами, вплетенными в канву стихотворения. Таким образом, пейзаж у поэта становится почвой для философских раздумий. Еще одной особенностью творчества Д. С. Банникова является антиромантическая направленность. Поэт часто создает пародии на романизм, играя с характерной для этого направления лексикой и стереотипными представлениями. Д. С. Банников намеренно занижает «высокие» поэтические темы, высмеивая пафос, с которым их обычно представляют поэты-романтики.

Библиография:

1. «Постоялец» – сборник стихов, 1994 г.
2. «Пора инспектировать бездну» – сборник стихов, 2003 г.

Ж. А. Иванова

* * *

Очевидно, где-то осень
И поля разорены,
Но не здесь, где мачты сосен
Безмятежно зелены.

В государстве ровных, равных,
Одиноких и худых –
В мире сосен телеграфных –
Сообщений нет худых.

Это лиственным – тревога,
Всполох, вспышка и пожар:
Там, внизу, где меньше Бога,
Шелестят они, дрожа.

А вверху, где Бога больше, –
Ни жары, ни холодов,
Лишь валторщик и гобойщик –
Ветер – сборщик всех ладов.

Шелест сосен – эти ноты
Он уносит за собой
В небо цвета той банкноты,
Что смусолена судьбой.

Возле них – посередине –
Бог оставил тень свою.
Солнце им подзарядило
Небогатую хвою,

Колют иглы серый ситец
И дырявят небосвод,
И имеют фотосинтез
Весь холодный долгий год.

Окровавленные листья
Приземлятся и замрут,
А по ним пройдутся кистью,
Выкрашенной в изумруд,

И отчаянны, печальны,
Как в отплытьи моряки,
Чёрные застынут чайки
У белеющей реки...

* * *

Кружит, кружит лист осиновый
В октябре над дачным домом –
Самолётик апельсиновый
Над пустым аэродромом.
Бак сжигает керосиновый
Над садовничьим содомом.

Череп пугаловый дуется
На креста облезлых спицах.
Под кабиной чередуются
Грядка, лужа, черепица.
Он взмывает через улицу
Эмигрирующей птицей -

Опускаться нет желания
В огороде – грязном, зряшном.
Там, внизу, размежевание
Между завтрашним – вчерашним.
На земле – переживание,
Пережевыванье каши.

По спиральной траектории
Он заходит на посадку
Под забытый ус виктории –
Взрос на ветке, канул в грядку.
Получается, История
Подчиняется Порядку.

Что же делается, Господи?
Перекрасить не пора ли –
Бриллиантовые россыпи,
Что сверкают на спирали?
Снова выдох – паром в воздухе,
Снова Осень на Урале.

* * *

Мы выйдем из зимы,
Как путники из чащи –
Остатком её тьмы,
Подавленно молчащим.

Мы встанем на шоссе
И взглянем ошалело:
Она колола всех
И нас не пожалела.

Из нас шарфы растут,
И шапки – волосами,
И ауры простуд
Под нашими носами.

Из серой Хохломы,
Голубоватой Гжели –
Мы вышли из зимы.
Мы в марте. Неужели?

Под солнечным рублём,
Бездонным и бездомным,
Стоим лимонным днём
И ничего не помним.

Так вот, пришел черёд
Все пуговицы сдвинуть,
Сочтя до четырёх,
Отрезать пуповину

И вытряхнуть на снег
Капустные листочки,
И поспешить к Весне
В последнем свитерочке,

В попутке задремать
На кресле, как в кровати.
...Водитель, словно мать,
Включит обогреватель...

Я звоню

Я звоню из придорожного кювета,
Ободренный пониманием травы.
Провода неровно дышащего ветра
Загудят, твоей коснувшись головы.
Удивившись незнакомому поступку,
Ты поднимешь и удержишь у виска
Постоянно убегаящую трубку
Из сухого и холодного песка.

Ах, зачем я не остался в этот вечер,
Почему поддался дреме я впотьмах?
Что ответить? Ничего, иначе вечно
Нам придется повторять: "зачем" и "ах".
Ах, зачем?! Мне муравей забрался в душу
И пчела ласкает спящий позвонок,
И пускай. Я измерения нарушу –
Через них, смотри, я делаю звонок.
Это значит – мир – не только мелкий атом,
Это значит – нам с тобою повезло.
Пусть уйдет к чертям патологоанатом,
Ну а ты, родная, выдохни: "Алло..."

Юрий Беликов

Юрий Александрович Беликов – поэт, прозаик, эссеист, литературный критик, журналист. Лидер литературно-поэтических объединений "Времири", "Дети стронция", "Политбюро", "Монарх", "Дикороссы". Входит в Высший творческий совет Союза писателей XXI века; как член жюри Илья-Премии, известен своей поддержкой начинающих поэтов и писателей.

Юрий родился 15 июня 1958 г. в городе Чусовой Пермской области. Окончил филологический факультет Пермского университета в 1980 году. Во время учёбы в университете был студенческим редактором факультетской стенгазеты «Горьковец», где публиковал граничащие с протестным взрывом стихи и прозу не только для студентов-филологов, но и «людей со стороны».

Основал поэтическую, «вокальную» (по принципу ВИА) группу «Времири», в которую, кроме Юрия Беликова (ударные), входили факультетские поэты: Юрий Асланьян (соло-стихи), Александр Попов (бас-стихи) и Алексей Иванов-Ширинкин (ритм-стихи). Участвовал в шумевшем студенческом спектакле «На дне» в роли Клеца-рабфаковца в красной рубахе. Тогдашний декан филфака Александр Бельский по этому поводу заключил: «А особенно мне не понравился Беликов в красной рубахе. Что это за символ забитого пролетария?!»

В конце 80-х его влечёт тема непознанного, которая позднее трансформируется в поэтический цикл «Стихи старого сталкера».

Юрий в качестве корреспондента пермской газеты «Молодая гвардия» принимает участие в экспедиции уфолога Эмиля Бачурина в аномальную зону близ села Молёбка Кишертского района Пермской области. Здесь он делает первые сенсационные снимки НЛО, в дальнейшем подтверждённые полученными фотосвидетельствами других сталкеров «Пермского треугольника».

Во многом усилиями Беликова в «Молодой гвардии» создаётся литературное приложение «Дети стронция», в котором публикуются яркие представители не только пермского андеграунда (Владислав Дрожжащих, Юрий Асланьян, Нина Горланова, Владимир Сарапулов, Юрий Власенко, Марина Крашенинникова), но и екатеринбургского (Сергей Нохрин, Андрей Вох, Евгений Ройзман, Андрей Козлов, Вячеслав Курицын), барнаульского (Наталья Николенкова) и московского (Александр Ерёмченко, Владимир Тучков, Александр Самарцев, Борис Викторов, Евгений Степанов, Леонид Костюков, Лариса Ванеева, Светлана Василенко).

Уже второй выпуск этого приложения становится поводом для внеочередного разноса молодых вольнодумцев: бюро Пермском обкома КПСС принимает специальное постановление «О литературно-художественном приложении «Дети стронция». Начинается идеологическая фильтрация Юрия Беликова как редактора выпуска. Ему всё-таки удалось сформировать и выпустить в свет ещё пять номеров «ДС», после чего «Дети...» прекратили своё существование.

Параллельно «Детям стронция» Юрий создаёт поэтическую группу «Политбюро», что расшифровывается как «Пермское объединение литературных бюрократов». В её состав вошли сам Беликов («генсек»), Владислав Дрожжащих («министр по идеологии и сельскому хозяйству»), Юрий Асланьян («министр внутренних дел») и Анатолий Субботин («кандидат в члены политбюро»).

В 1989 году в Бийске, на Алтае, куда съехались-слетелись на Первый всесоюзный фестиваль поэтических искусств «Цветущий посох» авторы отечественного литературного подполья, члены пермского «Политбюро» становятся его лауреатами, а Юрий Беликов удостоивается Гран-при и титула «Махатма российских поэтов».

В начале 90-х его стихи публикуют «Юность», «Знамя», «Огонёк». В 1991 году Юрий принят в Союз российских писателей по устной рекомендации Андрея Вознесенского и трём письменным – критика Валентина Курбатова, Кирилла Ковальджи и Ольги Ермолаевой.

В эти же годы Беликов на правах собкора по Уралу и Сибири входит в состав редколлегии журнала «Юность», где учреждает рубрику «Русская провинция», камертоном которой является небесспорная мысль, что за Садовым кольцом – «пространство более талантливых и порядочных». Уволен с формулировкой главреда Виктора Липатова: «Вы наводите смуту! Приходится выбирать: или вы, или журнал!».

В дальнейшем Беликов работает собкором «Комсомольской правды», «Трибуны», спецкором газеты «Труд». Исход из «Комсомольской правды» завершается вердиктом тогдашнего её руководства: «Вы слишком много внимания уделяли теме Космоса!» Исход из «Трибуны» и «Труда» определяется тем, что Юрий Беликов – сначала в одной, а потом в другой газетах – ведёт ещё одну придуманную им рубрику: «Приют неизвестных поэтов».

В 1988 и 1990 годах увидели свет две первые книги Юрия Беликова: «Пульс птицы» – в издательстве «Современник» и «Прости, Леонардо!» – в пермском книжном издательстве. Далее – молчание длиной в 17 лет. Как поэт Беликов фактически перестаёт печататься.

Однако, приостановив собственный выход к читателю, Юрий Беликов щедро печатает других – юных стихотворцев, будучи членом жюри молодёжной «Илья-премии» и составителем выходящих в этой серии книг её первых лауреатов. За этот проект Юрий Беликов был удостоен премии Союза журналистов России. В 2005 году творцы Великих Лук награждают пермяка Беликова Орденом-знаком Велимира «Крест поэта» за «утверждение идеалов великой русской литературы».

В 2007 году выходит третья книга Юрия, которая сразу привлекает внимание читателей и профессионального сообществ. Свод избранных стихотворений Юрия Беликова «Не такой» был отмечен всероссийской литературной премии им. Павла Бажова.

В 2002 году Юрий Беликов был принят в члены Русского ПЕН-центра, вошел в Высший творческий совет Союза писателей XXI века, в редколлегии журналов «День и ночь» и «Дети Ра».

Кроме того, он страстный публицист и «штучный» собеседник самых ярких и угловатых современников наших дней. Эти беседы, перерастающие в диалоги, в разное время печатались в журналах «Юность», «День и ночь», «Дети Ра», на страницах «Литературной газеты», «Трибуны», «Труда» и пермской «Звезды».

Его стихи публикуются в престижных отечественных антологиях «Самиздат века», «Современная литература народов России», «Лёд и пламень», «Молитвы русских поэтов», «Слово о матери», «Жанры и строфы современной русской поэзии», «Гениальные стихи»,

«45: параллельная реальность», в «Антологии русского лиризма. XX век». В 2013-м году (в год 55-летия поэта) увидела свет его четвёртая книга стихотворений «Я скоро из облака выйду», названная по строчке стихотворения, о котором говорит Евгений Евтушенко. Она отмечена двумя престижными наградами – премией имени Алексея Решетова в Перми и всероссийской общенациональной премией «За верность Слову и Отечеству» имени Антона Дельвига, учреждённой редакцией «Литературной газеты».

При этом стихи и эссе Юрия Беликова публикуют самые разные журналы – от «Киевской Руси» (Украина) до «Нашего современника», от «Зарубежных записок» (Германия) до «Иерусалимского журнала» (Израиль), от журнала «Поэтов» Константина Кедрова до «Академии поэзии» Валентина Устинова. Однако эта полярность свидетельствует не о пестроте вкуса и принципов, а о диапазоне личности автора, диафрагме его поэтических лёгких.

Работал в газетах «Чусовской рабочий» (1980–1981) и «Молодая гвардия» (Пермь, 1981–1992), в редколлегии журнала «Юность» (1992–1995), был собкором газеты «Комсомольская правда» по Пермской области (1995–1998). Собкор газеты «Трибуна» (с 1998). Работал в редколлегии журнала «Дети Ра» с 2007 года. В 1989–1991 гг. выпускал газету «Дети стронция» (литературно-художественное приложение к газете «Молодая гвардия»). Стихи поэта публиковались в журналах «Знамя», «Юность», «Огонёк», антологии «Современная уральская поэзия».

Библиография:

1. «Пульс птицы» – 1998 г.
2. «Прости, Леонардо!» – 1990 г.
3. «Не такой» – 2007 г.
4. «Дикороссы. Приют неизвестных поэтов» – 2002 г.

А. Г. Ижболдина

Вдоль берега

Памяти Вилория Глухова

Учитель! Уже отрасли те ветви ивы, которые ты срезал под удилица,
уже обнажила красные десны река...
Снасти готовы, Учитель. Иди и буди леща.
Один ведь бреду по берегу – ни Учителя, ни ученика.
Заветы твои затвержены: тюль на окне,
если на что и пригоден – живца ловить для щурят,
женский чулок, хлебом набитый, вполне
рыбам на прикорм подходит – чулок даже будет рад
чувственным прикосновеньям язей, голавлей,
словно поползновеньям князей, королей.

Рыбы подышают на берегу реки,
они раздувают жабры, как розы.

На берегу реки не умрут рыбаки –
без берега подышают, но смысл последней просьбы
пыльного, берестяного, русского мужика,
коего зона не съела, но тихо больница списала, –
по батарее холодной стук – истощенной сигнала
нет! – чтобы баба снизу вынырнула, легка,
и не заговорила, видя, как очи меркнут,
а загородила, рыбонька, зеркала.
И когда баба снизу окажется сверху,
небо войдет под ногти: «Вот и вся жизнь прошла!»

Так умереть, Учитель, если воздух шипит из нимба,
если поэта, как рыбу, жизнь завернула в газету.
Лучше не разворачивать! Чего тебе надобно, рыба?!
«Старче, в России рыбой надобно быть поэту,
чтоб укрупнять молчанья синюю чешую:
чья тишина протяжней? И разыграть ничью
с каждой челябой, то бишь ямой речной: молчите!
И на поминках звука молвить: «Прощай, Учитель!»

Супертяж

Когда подходил я к рингу –
меня за своего принимали.
Когда взлетал на подмости,
говорили: «Это – не наш!»

Я и впрямь читаю стихи,
при помощи рук,
словно провожу хуки и апперкоты.
Как сказала одна особа,
разглядевшая меня с двух сторон:
«У него при одном анфасе –
сразу два профиля!
Слева – Франческа Петрарка,
Справа – Виталий Кличко».
А другая особа,
когда, сплавав туда и обратно,
я вышел из Камы на берег,
томно спросила, поглощая взором
мою дымящуюся фигуру:
«Мужчина, а каким видом спорта вы занимались?»
Я ответил: «Боксером не стал...»

Все мои стихи – это удары по печени

с последующим ударом в голову.
Взгляните на Евтушенко или Кальпиди:
вот лица поэтов! А я
давно принимаю удары Тайсона,
дразню Леннокса Льюиса.
Для меня Федерико Гарсиа Лорка –
спящий на шелковых простынях
золотой мальчик Оскар де Ла Хойя.
А любимые фрукты – дикие груши:
бьют они оземь, как перчатки боксерские!
А нотный стан – это ринг,
если отнять один из канатов.
А ринг – это нотный стан,
если канат прибавить.

Я – супертяж.
Мой вес превышает 91 килограмм.
Зачем мне встречаться с Кушнером-легковесом?
Или средневесом Рейном?
Если уж сходить на ринге,
так с Велимиром Хлебниковым,
Павлом Васильевым и Леонидом Губановым,
Пабло Нерудой и Шарлем Бодлером,
или Андрюшей Нитченко из Сыктывкара!
Заброшу стихи. Буду смотреть
передачу «Нокаут».
Жизнь проходит, а я еще
морду никому не набил!..

Бесчинство над летейской девкой

Я ревную тебя к законному (конному, пешему и корабельному) лесу.
Пешеходы его запыхались, кони вздыбились, а корабли дали течь:
из пространства ударило время, из времени – руки до плеч,
дальше не воплощались – гудели, не в силах облечь
в массу лета себя. Но тебя стали втягивать в Лету.

И ты была ногами! Да так, что с летейского дна в крем сбивались
Барков и Саади.

И когда я к твоим припадаю ногам, ты бежишь со всех ног – холодны! – и сосны
сторонись, где руки гудели в засаде,
и в досаде, и в неге ты просишь объятия сзади,
у сосны.

Ту сосну я спилю. Не спилю, так спалю. Но останется срез или уголь,
сквозь который чистейшая Лета хлестнет.

Не хлестнет, так останется лес,
этот мятый шатер, этот мятный шартрез,
этот шафер-шофер, у кого, что ни вальдшнеп, то угнан.
Лес мой! Друг мой! Кругом – аж башка идет кругом! –
трансформаторы рук. Отвали, безголосый, будь другом.
Стану эком твоим. Но – опять же – останутся уголь и срез...

Жар любимейшей женщины я загребаю чужими руками.
Ну так, лес, по рукам! Будет белка тебе и свисток, только чтобы от рук,

засывающих в бездну, отбилась она. Обнимаю, как в зеркале, вдруг,
когда сам ей звоню, кто-то так же играет ее позвонками?
А к моим разгибается в крик из стены черным лебедем крюк...

И в карман зазеркальной дыры уже лезут то Гоголь, то Гёте.
«Руки!» – им на отшиб говорю, словно мент вороненый ворью.
«Вы – исчадия плоти!» (Кому это я говорю?!)
Выйду в темных очках. Здешним солнцем дыру заварю.
Если не заварю – если из лесу вы не уйдете,
вот вам руки мои! Я проткну ими вашу зарю!
И – вы к этому гнете? – летейскую девку в полете
завалю. За свою. То же самое с ней сотворю.

Валерий Возженников

Валерий Леонидович Возженников – поэт и учитель истории. Годы жизни: 22.02.1941 – 21.02.2011. Поэт родился в селе Сива Пермского края. Учился в Верецагинской средней школе № 121, затем в школе ФЗО паровозного завода г. Верецагино. Некоторое время работал токарем в депо, а затем – с 1961 по 1964 год – служил в армии. После вернулся на работу и поступил на заочное отделение исторического факультета ПГУ. Вуз В. Л. Возженников окончил в 1970 году, после чего работал преподавателем истории в школе села Постаногои.

Стихи В. Л. Возженников писал с 12 лет. По словам самого поэта, любовь к поэтическому творчеству в него заложил отец, который сам писал стихи. Впервые стихотворения В. Л. Возженникова были опубликованы, когда поэту было 18 лет. Всего у В. Л. Возженникова вышло пять стихотворных сборников. Некоторые из стихов, вошедших в эти сборники, публиковались в местных газетах: в «Звезде», в «Вечерней Перми», в «Учительской газете» и др.

Как поэт В. Л. Возженников отличается особой исповедальной манерой. Основные темы, которые затрагиваются в его лирике, – это любовь к матери, родине и природе. Особое место в творчестве поэта занимает религиозная тематика. Именно она, по мнению некоторых коллег по цеху, раскрывается с наибольшей силой и полнотой.

Библиография:

1. «Берег поля» – сборник стихов, 1984 г.
2. «Земля и сердце» – сборник стихов, 1989 г.
3. «Белые незабудки» – сборник стихов, 2003 г.
4. «Черёмуха и церковь» – сборник стихов, 2011 г.
5. «Чуден от Бога и мрак» – сборник стихов, 2012 г.

Ж. А. Иванова

Боль фронтовика

1

Родина, как я тебя любил!
Под Москвой –
не прятался за танком.
Шёлк твоих знамён боготворил,

И армейским кланялся портянкам.

Мир тобой был увлечён всерьёз,
Сам свернул бы на твою дорогу.
Но, когда ты встала в полный рост,
Почему не поклонилась Богу?

А теперь, мой аленький цветок,
Вся ты уместилась на петличке...
«Чья Москва и чей Владивосток?» –
Бомж меня пытается в электричке.

Сдали выси, веси, города...
Ну а как ты высоко стояла,
Знала только падшая звезда,
Помнит только донышко Байкала.

2

Добивают моё поколение,
Добрались и до скорбных камней...
Что ни год,
этот свет всё чужее мне,
А тот свет
с каждым годом родней.

Там не пишут историю заново
И моё поколение чтут.
Там друзья мои песни Фатьянова
На небесном крылечке поют.

* * *

Навалились страхи и печали,
Снятся космы чёрного огня...
Но приходит мать ко мне ночами –
Попроведать грешного меня.
Как всегда, поправит одеяло
И от сердца пламень отведёт.
Будто никогда не умирала,
Лишь поутру из дому уйдёт.
Запоёт синицей половица,
И повеет шёпот золотой:
Нам с тобой, сынок,
не разлучиться,
Я ещё возьму тебя с собой...

Не прельщаюсь
горными цветами
И, почуяв этой жизни край,
Не о рае думаю – о маме.
Там, где мама,
там и будет рай.

Еще ни снега в роще,
Ни крупки ледяной.
Осинник, будто дождик,
Струится над землей.
И как душа ни бита,
Как горько ни цвела,
Одна печаль забыта:
Другая помогла.
И по стерне, по палу
От плуга след пролег,
И сердце перепало
На отболевший бок...

О чем грустишь, Гнедуха милая?
Постой на росстани со мной.
И я на счастье лик свой вымою
В ночи мерцающей струей...
Все ничего – купель прощальня...
Пусть унесу я в дальний путь
И этот свет, и запах щавеля,
Что не дадут душе уснуть.
Над нами тает кромка месяца,
А дальше – млечные пески...
Там можно с горести повеситься
И вновь воскреснуть от тоски
По этим далям опечаленным,
Где, захмелевшая слегка,
Когда-то лихо и отчаянно
Звенела песня ямщика.
Здесь хуторок наш машет ивою,
Здесь начиналась наша Русь.
Постой со мной, Гнедуха милая,
И я сюда еще вернусь.

Пока на столбах комариных
Погода стоит и звенит,
Цветет-отцветает пустырник,
Пыльцою бессмертник пылит.
Корплю над строкою своею,
НЕ пью, как бывало, вино...
И чувствую: нет, не успею,
А было успеть – суждено.
И тучи идут низовые,
И слышен мне голос грозы:
Кто тут потерял золотые,
Небесной работы часы?...

Не бросались мы страсти в силки,
Знать не знали такого пожара.
Между нами цвели васильки,
И божественно небо лежало.
Подарил из цветов поясок.
Не кори подарившего слепо:
Сам не помню, как я пересек,
Перешел это поле и небо.
Вот и грянула грозная мгла:
Встрепенулась господняя стража.
И не знаешь, то ль туча прошла,
Накренилась седьмая ли чаша...
А глаза у Судьи велики –
И на них бирюза набежала:
Между нами цвели васильки
И божественно небо лежало.

Была у няни хатка,
Теперь на месте том
Могильная оградка
Да трын-трава кругом.
Не скрипнет половица
И чутко не замрет...
Лишь у креста синица,
Как у окна, споет.
Ни огонька герани,
И дальше – ни огня.

Ужель не стало няни –
России для меня?
Гляжу поверх оградки.
Куда же я вернусь?
В оградке,
как в кроватке,
За прутьики держусь.

Когда большая отгремит гроза,
Мерцают из бывшего голоса.
О, этот голос, чудный и родной:
– Иди ко мне, поручик молодой.
Смерцал ответ:
– Грешны мои уста,
К тому ж в глазах – суконная звезда...
– Все ничего, поручик молодой,
Иди ко мне, невытый, золотой...
Всего-то и прошла одна из гроз,
И не понятно все – до самых слез.
А небосвод так ласково горит,
Как будто Матерь Божья говорит:
– Все ничего, поручик молодой,
Иди ко мне, невытый, золотой.

Олег Гельфанд

Выпускник экономического факультета 1986 года. Сейчас живет и работает в Израиле.

Пермский университет

Наталье Валерьевне Клетиковской

Всегда ремонт зимой и летом,
Кишмя кишит профессорами,
И вечный запах туалета
В проходе между корпусами.
А мне совсем не до историй
Проголодавшихся доцентов,
Оставлю сон аудиторий
Без горечи и сантиментов.
Мне по душе бомонд в студклубе,
(Там холодно всегда, как в храме),
В цыгейковой потертой шубе
Бегу к одной прекрасной Даме!

Письмо друзьям

Посвящается Нине и Вадиму Осипенковым

Здрасьте черти! Пишете вы мало,
Но люблю я вас никак не меньше,
Потому и тотчас отвечаю,
Не в пример брадатым режиссерам!
Я бы тоже выпил самогона,
В Сылве быстротечной искупавшись,
А потом шептал гетере юной
Непристойности хореем пятистопным.
И к утру, стремительно трезвея,
Принял образ вам давно знакомый
Странного, но доброго еврея,
От тоски сбежавшего из дома.
До сих пор бегу я по пустыне,
Изредка оазисы встречая,
И на всевозможные святыни
Мимоходом пяткой наступаю.

Заменив Урал на Палестину,
Я не стал ничуть умнее,
Только вещи самые простые
Научился я любить сильнее.
Научился плакать и смеяться,
Свет и тьму неплохо различаю,
Вы меня не забывайте, братцы,
Я еще зайду на чашку чая!

Когда пройдет пять лет

Нине Юшковой-Осипенковой

Вы были моей дочерью строптивой,
А я был близорукий астроном.
Теперь Вы мама дочки говорливой,
А я пока не стал отцом.
Дитя мое! Как слепо вожделье
К плечам, регбистам, бедрам, молодцам,
Уж лучше бы, презрев кровосмешенье
Вы возжелали бы отца!
Прошло пять лет, прошло уже и десять,
Не помнит ту историю никто.
На театральной вешалке повесить
Нам остается старое пальто...

Из записной книжки Н. Клепиковской.

Леонид Грибель

Леонид Валентинович Грибель родился 27 декабря 1945 года в городе Чусовом Пермской области в семье железнодорожников. Вырос в большой семье. Рано ушел из школы. В тринадцать лет начал работать, позже окончил школу рабочей молодежи № 20. Окончил профессионально-техническое училище № 9. завод им. Кирова (Пермь), после отслужил в армии и стал работать на заводе.

Окончил Пермский государственный университет по специальности «Радиофизика» в 1974 году. Долгое время работал конструктором, руководил фирмой «Ермак», занимался охраной труда в Главном Управлении банка России по Пермской

области. Ныне возглавляет отдел по охране труда в ПГНИУ.

Стихи поэта печатали в таких газетах, как «Звезда», «Вечерняя Пермь», «Пермские новости», «Профсоюзный курьер», «Чусовской рабочий», «Чусовской металлург». Леонид печатался в литературных сборниках: в «Пилигриме», в «Парнасских цветах» и др. Леонид Грибель – лауреат областного конкурса, победитель первого специального конкурса "Поэты Урала" в интернете.

Леонид Грибель – тренер по баскетболу, изобретатель, предприниматель, поэт, бард, инженер, яхтсмен и настоящий патриот своего города, края, страны.

Автор считает, что у него две родины, – Пермь и Чусовой. Леонид Валентинович сделал многое как для одного, так и для другого города. Под его руководством воспитывались многие талантливые баскетболисты, добившиеся немалых успехов в России и даже за рубежом. А его песня «Чусовской вальс» стала гимном родного города поэта.

История творчества Леонида Валентиновича началась в Чусовом. В тринадцать лет поэт написал стихотворение о своей малой родине, в котором сравнил ее с Парижем. Сестра оценила, подбодрила и послала в газету «Чусовской рабочий», где, со слов автора, ему сказали: «Не писал, вот и не пиши». Но эта забавная история не расстроила и не остановила мальчика, он продолжал писать. Правда, серьезным писательством автор называет свое творчество только после тридцати лет.

Автор пытается не только выразить свои эмоции словом, через них и через все свои увлечения он хочет осмыслить этот мир, быть его частью. Поэт признается, что в стихах он более искренний, хоть и грустный. И действительно, Леонид Грибель – неунывающий человек, который дает такой заряд позитива и творческого посыла, что кажется, будто тебе все по плечу. А глаза грустные. Смеющиеся, бездонные, небесно-голубые, мудрые, но грустные.

В самом начале нашей беседы Леонид Валентинович рассказал мне историю, которая отлично описывает жизненную позицию автора. Однажды поэт зашел в трамвай, слышит – ругань какая-то. Оказалось, пару мужчин задирали молодежь не по делу, ну, Леонид и вступился. Сначала словом, потом и кулаками пришлось защищаться. Автор сразу предупредил одного: «Без очков останешься». Выбрал момент и точным ударом – промеж глаз. А потом со словами: «Очки обещал разбить – разбил», вышел из трамвая. Вот так. Меньше слов, больше дела.

Библиография:

1. «Странник» – 1999 г.
2. «Линия горизонта» – 2007 г.

А. Г. Ижболдина

Утро 31.03.2016 в ПГНИУ

Здравствуй, утра раннего рассвет!
Я спешу и ждет меня работа.
Снег. Мороз. А университет –
Невообразимое он что-то!

Сквозь туман, как дым от сигарет,
Проступают странные создания.
Может, скульптор здесь оставил след,
Вылепив их, будто изваяния?
Нависают странно над землей
Здания и деревья у ботсада.
Видно, скульптор тот – волшебник злой
Исказил их тенями Багдада.

Будто зло сражается с добром –
Царство знаний с царством богатства!
Но хранит свет знаний теплый дом –
Мир друзей студенческого братства!

В универе – сессия!

Как солнышко светит, поклонник любви?
– В университете поют соловьи:
Рассыпаем трелями, будто в лесу.
Но сессия! Сессия ведь «на носу»!
А эти вот двое? – учить не хотят!
Обнявшись, о бог! У фонтана сидят!
Целуются черти! Им все нипочем!

Их солнце ласкает – играет лучом. –
Со школы, видать, не привычны к труду!
Целуются нежно у всех на виду.
Разбросаны книжки. Конспекты летят
А эти? – Расстаться никак не хотят!
Любовь и учеба, Единство – борьба!
А может быть все-таки это судьба?
Ведь жить можно долго – за сорок, за сто,
Но формулы счастья не вывел никто!
Жить кто-то торопится, кто-то бредет...
Но как угадаешь, – что в жизни нас ждет?

Шпаргалка

Дела давно минувших дней
Ввели в века и были,
Но часть истории своей
Студенты не забыли
Ну в общем, дело было так,
Весь мир не изменился:
Жил был один студент – чудака,
Который вдруг влюбился.
Она – студенткою была,
Красивая безмерно!
Неотразима и мила,
И это тоже верно
Известно, сессия, как шквал,
Внезапно налетает.
Кто в этой «шкуре» побывал,
Тот точно это знает.
Галина – так звали ее,
Экзамены сдавала,
Но два вопроса «е-мое!»
Совсем она не знала
И что же делать ей теперь?
Трагедия ведь! Жалко!
Записка прилетела в дверь
И... шепот вслед, – Шпарь, Галка
С тех пор – сдает экзамен вновь:
Нужна ли здесь гадалка?
Поможет, может быть любовь,
А может быть ... смекалка?

Поэтов знать должны в лицо

Поэтов знать должны в лицо!
В лицо должны мы знать поэтов!
Есть много в жизни мудрецов
Кто усмехнется, слыша это.

Поэт не тот, кто рифмы шьет.
Он – стук сердец. Он – эхо мира.
Он тот, кто точно словом бьет,
Душою, образом и лирой.

Я, словом музыки пленен,
Любуясь речкой или пашней.
Я думаю, я убежден,
Что нет истории вчерашней!

Как нет потерянных имен
И нет культуры до и после...
Есть край, в котором ты рожден!
И есть – зачем в сей мир ты послан...

О, мой Урал!

Люблю бродить с собой наедине
По берегу крутому над водою,
Любуясь своенравной Чусовою
И звездной синевой на глубине.
И ощущать свободу и простор,
И тишиной наполненные звуки,
И цепи гор, протянутых как руки,
И чувствовать величие этих гор.
О, мой Урал! Храни себя! Храни!
Своих лесов таежные ступени,
Гор – исполинов каменных колени,
Которыми ты к Чусовой приник!
И пусть тебя не тронут ни века,
Ни судеб человеческих кривая!
И дочь твоя – лесная Чусовая
Волнует дух как древняя строка!

Проходит жизнь

Проходит жизнь, и лучшие года
Все где-то там, за далью синеокой.
А мы все ищем брод в реке глубокой,
Где все мосты разрушила вода!
И в суете немислимых забот
Живем как боги! «Сами, мол, с усами!»
Не ведая, что мы их рушим сами,
Создав свой быт из паводковых вод.
И каждый день – сплошной водоворот
Холодного и шалого течения!
И верим мы до умопомрачения,
Что лучшим будет каждый новый год.
Вперед, вперед! Но сердце устает.
Бывает миг – не хочется бороться...
А мне б воды напиться из колодца,
Да время оглянуться не дает!
И хочется в природу в мир живой,
Туда, где можно жить как наши предки...
Не проглядеть бы солнышка на ветке,
Да радуги от капли дождевой.

Лето без тебя

Над Разгуляем облака и тучи
Замкнули низко небосвода круг.
И небосклон, бескрайний и падучий,
Цветами радуг высветился вдруг.
Пропахла Пермь насквозь дождём и ветром,
И в кой-то миг, немного погодя,
Июль – шедевр родился в стиле ретро
На тёмном небе кистями дождя.
А когда город, влагой упоенный,
Стал бликами янтарными играть,
Армады солнц из окон растворённых
Скатились на асфальтовую гать.
И утонули в лужах необъятно.
Трамвай звенел, ручьями день журчал.
А мне, как в детстве, было непонятно,
Что этого никто не замечал!
Качались в лужах улица и здания,
Слезам капли капали с трубы
На облака, как знаки препинания,
Как узелки на линию судьбы.

И мне казалось, там, за летним садом,
Где светофор отчаянно мигал,
Чуть запоздалый август звездопадом
По городу умытому шагал.
И что-то смутно в воздухе витало,
Вскипал коктейль озоновый в крови.
И, в общем-то, для счастья не хватало
Всего немного – ласки и любви...
Пройдёт сентябрь, и в час ненастный где-то
Ты спросишь, что я мучаю себя?
А я отвечу: «Просто было лето!
Такое лето было без тебя!»

Как странно...

Как странно... Люди жили до меня,
Но мир родился только лишь со мною.
Меня не будет в суматохе дня,
И он уйдет... И я тому виною.
Но что есть мир? Я мыслю. Я живу.
А он во мне – мое воображенье.
И он вокруг. И он есть отраженье
Того, что ощущаю наяву.
Но я – всего во времени лишь миг.
Всего лишь искра...искорка...мгновенье...
Почти необъяснимое явление.
Почти как преступление без улик.
Как странно мир устроен, боже мой!
Летит в пространстве шар Земли, вращаясь.
А я уйду, как джентльмен.
Не прощаясь. А мир? Он будет...
Но уже не мой.
Как странно...
Мир, он будет...
Но не мой...

Алексей Дубровин

Дубровин Алексей Александрович – пермский писатель. Родился в г. Очёре в 1961 году. После окончания очёрской средней школы №1 был призван на службу в пограничные войска и служил в Киргизии. Именно в армейские годы попробовал себя в роли журналиста: будучи солдатом, в 1980 году написал несколько очерков о своих сослуживцах, их успехах в боевой подготовке, после чего отправил рукописи в газету «Часовой Родины». Там его работы были оценены по достоинству, и А. А. Дубровину предложили стать военным корреспондентом. Публикации появились в ряде военных и гражданских изданий.

После возвращения из армии творческая деятельность А. А. Дубровина временно прервалась. Он в течение года работал на очёрском машиностроительном заводе и проходил обучение на подготовительном отделении Пермского университета. Затем поступил на юридический факультет ПГУ. В университете на протяжении четырёх лет занимался общественной работой, возглавлял комсомольскую организацию факультета.

С отличием окончив университет в 1987 году, А.А. Дубровин поступил на службу, которая была связана с аналитикой, оперативной работой, предусматривавшей разные сферы приложения сил, в том числе документальную. Развивались навыки составления текстов, небольших по объёму, но ёмких по содержанию. Порой приходилось оттачивать каждое слово, что стало одним из кирпичиков в постижении творческого процесса на новой стадии.

После выхода на пенсию по выслуге лет А.А. Дубровин вновь вернулся к журналистской деятельности и начал работу над крупными краеведческими проектами. За десять лет он собрал и обобщил материалы об истории родных мест, что легло в основу целой серии краеведческих сборников: «Очёр – млечная река», «Свет очёрских лампад», «Лики верхнего Очёра», «От Волги до Очёра», «Веретено», «Костёр краеведа Малкова».

Всего А. А. Дубровин написал 14 книг. Среди них есть и художественная литература. Одной из центральных тем повестей и рассказов писателя является тема войны, которая раскрывается через нравственно-философское осмысление тех событий, участниками которых стали его персонажи. Так, один из главных героев повести «Расстрел» Михаил Громов во время Первой мировой войны спасает пленённого немца, а во время Второй мировой войны он сам попадает в плен. За несколько минут до расстрела русского военнопленного узнаёт тот самый немец, которому сохранил жизнь Громов. По приказу немецкого офицера русского солдата возвращают в лагерь. Отсюда вытекает основной посыл автора, суть которого состоит в том, что добро порождает добро, а зло закономерно порождает зло.

Другой временной отрезок, который оказался запечатленным в творчестве А. А. Дубровина, – это девяностые года прошлого века. В романе «Молчание ворона» описана жизнь людей, деятельность которых в те непростые времена была связана с контрразведкой и разведкой. По мнению писателя, книга будет полезна для молодого поколения, особенно для той его части, которая сегодня одевает погоны.

В 2011 году писатель был удостоен звания «Почётный гражданин города Очёра», в 2012 году А. А. Дубровин был принят в Союз писателей России, а в 2014 году – в Союз журналистов России. В 2013 году он стал лауреатом международного творческого фестиваля «Вдохновение». По его инициативе в г. Очёре с 2011 года проводятся Спешиловские литературно-художественные чтения. За плечами писателя десятки творческих встреч, в ходе которых он рассказывает о пермской литературе, о писателях и поэтах Прикамья.

Библиография:

1. «Радуга дорог», сборник стихов и рассказов – 2006 г.
2. «Очёр – млечная река», краеведческое издание – 2007 г.
3. «Лики верхнего Очёра», краеведческое издание – 2008 г.
4. «Свет очёрских лампад», краеведческое издание – 2009 г.
5. «Лучина», сборник стихов – 2010 г.
6. «Веретено», литературно-художественное издание – 2010 г.
7. «Даръ небесный», литературно-художественное издание – 2010 г.
8. «Молчание ворона», роман – 2011 г.
9. «Костёр краеведа Малкова», краеведческое издание – 2012 г.
10. «От Волги до Очёра», краеведческое издание – 2013 г.
11. «Перелёт-трава», литературно-художественное издание – 2013 г.
12. «Мятые травы Стожар», литературно-художественное издание – 2014 г.
13. «Звонница», литературно-художественное издание – 2015 г.
14. «Дыхание рос», литературно-художественное издание – 2016 г.

Ж. А. Иванова

Пуповина

Что связывает близких между собой людей? Отчего один на расстоянии чувствует боль другого? Во все времена звучали рассказы о том, как мать задолго до похоронки узнавала о гибели сына в бою. Как узнавала? Сердце вещало. Не может быть! Может...

На ночь глядя, иду я по лесной дороге. Задаю себе непростые вопросы. Не вижу ни ям на измятых колеях, ни заполненных снегом обочин – глаза высматривают мелкие камни под ногами. Руки набирают камешки, рассовывают их по карманам. Хватит? Нет, ещё один...

Вечер. Тишина давит. Птицы погрузились в сон. Из леса пьются присыпанные рыжей иглой сугробы. Ноги разъезжаются на мокрой глине, скользят. Не удержавшись, падаю. Сугробы не только холодят воздух, но и отдают земле сырость.

Самое тяжёлое в перемещении по лесу не сырая дорога. И на осознание – холодно или тепло – нет времени. Другая реальность завладела мозгом. Память выхватывает из прошлого эти самые колеи, сжимает калейдоскопом минувшего голову. Дорога, вопросы и память – мешанина в голове. Поднимаю очередную гальку, темнеющую на снежной обочине. Карманы наполнены. Должно хватить на каменистый прямой отрезок, а потом мои пальцы уложат на него две поперечинки. Как же всё изменилось...

По давно знакомому мне пути хаживал не раз, и галечные россыпи на нём, подворачиваясь под ноги, оставались всего лишь земной поверхностью. Обычно на землю не смотрел, а если и опускал равнодушно взгляд – ничего тот внизу не выискивал, тем более камешки. Приехав на короткую побывку из большого города, наслаждался тишиной леса, зеленью деревьев, пением птиц. О непростой работе оперативника здесь, в лесу, вспоминал редко. Зачем? В присутствии тех, кто вёл меня этими дорогами-тропами, мои глаза, как правило, скользили по веткам сосен, ёлок – не притаился ли там кто из зверей? Взгляд от веток поднимался выше – не сгущаются ли на небе тучи, не видно ли у пламенеющих на солнце вершин высоких елей чудной птахи? Дышалось легко, вольготно, и не столько взгляд, а казалось, сам я взлетал в облака, размахивая руками – то мои поводыри любили меня. От их любви вырастали крылья.

Попутчики в лице родителей не спеша вышагивали рядом, между делом расспрашивая о делах. Тут же сами вспоминали о недавних разговорах и встречах. Я слушал их тихие голоса. Не всегда соглашался с их мнением, – и спорить не спорил, но хотелось казаться умным, – случалось, рубил с плеча: «Не так!» или «Не смешно!»

Память услужливо развернула перед глазами одно из перемещений. Лето, утро, птичий гомон. Мы преодолели половину дороги.

Со странной улыбкой на лице мама вспомнила одну из проделок отца:

– Вернулся недавно отец из магазина и говорит мне: «Трофим Ипатович умер. Похоронили на днях».

В этой вести я не усмотрел ничего весёлого. Ветерана войны я знал, приготовился, было, вздохнуть в сочувствии, но мешало любопытство – знал я и о душевности мамы. Почему-то весть о кончине доброго знакомого и воспоминания о грустном событии не привели голос матушки к дрожи, к слезинке? Чуть ли не радостно вспоминала она об этом. Где печаль по горестному случаю?! В чём подвох?

Отец после слов мамы тоже улыбнулся. Странно...

– Попрощалась я в душе с Ипатовичем, Царствия Небесного ему пожелала. Всплакнула даже, – мама продолжила дальше. – Пошла через неделю в магазин, смотрю –

батюшки! – Трофим Ипатович в очереди стоит. Я глазам своим не поверила. Шура, выходит, опять меня разыграл.

Батяня редко смеялся громко, и на это раз тоже лишь фыркнул с усмешкой:

– Было такое...

– Не смешно! – осуждающе покачал я головой.

– Надо бы луковую шелуху в ведре настоять. Тля на кустарниках появилась, – в заботах об Ипатовиче матушка тут же размышляла, как бороться с врагами наших будущих урожаев.

На тропинке, что вела среди леса, валялась сосновая ветка, отломленная, наверно, ветром. Матушка мимо не прошла, принялась убирать.

– Оставь, – попросил я.

– Людям будет мешать...

Ветка полетела в сторону от дороги.

Сколько разных путей мы с матушкой и батяней протопали-прошли... С ранних лет своих помню, что всё свободное время мы перемещались пешочком по очёрским долам. Ходили, минуя Берёзово, по Пахомовским увалам, одолевали Бурдытские высоты, пробирались по льду Пролива к Карсоновским и Балуевским лесам, по замёрзшему пруду напрямиком на Волеги, хаживали вдоль и поперёк наших местных рек, ручьёв и речушек. Солнце катилось к закату, менялись времена года, падал снег, лили дожди, а мы всё шли и шли, перевязанные пуповиной свиданий с деревней. Мама не могла прожить выходного, не повидав малую родину – уральскую деревеньку Уваровку. Мы с сестрой с детства прониклись той же ностальгией, привыкли к тем же ощущениям неразрывности с деревенскими полями, ключами, дорогами. Батяня не чурался мира наших ценностей, но у него существовал свой, со своими именными тропами, персональными соснами, загадочными чащами и своими земляничными полянами. Они лежали в другой стороне от маминых, в другом измерении. Через матушкины же с её рассказами о былой жизни мы, дети, родившись в городе, прикипели к уваровским землям, как к родным. Те ответили нам взаимностью. И пусть это всего лишь слова, но так у людей рождается любовь к Родине.

Наши дороги оставались неизменными, только с возрастом менялись мы сами. Подростковая самоуверенность шептала мне на ухо: «Ты в силах одолеть любой путь», и я его действительно одолевал. Родители не всегда и догадывались, какую цену мог заплатить сын за привязанность к деревне. Помню, по тридцать первому декабря вечерней студёной мглой отправился я в Уваровку пешком. Отмахав пятнадцать километров среди лесной темноты – глаз выколи, постучал бабушке в ворота дома. Та ахнула:

– Один?

– Один, – ответил я.

– Что случилось? Поди, дома что стряслось? – с тревогой в голосе расспрашивала бабушка.

– Ничего не случилось. Новый год пришёл с тобой встречать. Тебе одной-то скучно будет.

– Да, Господи, прости...! – только что и нашлась ответить мне бабушка.

За ужином, под тепло растопленной голландки, я узнал, что она никогда не встречала Новый год, ложилась преспокойно спать, как в обычные вечера: «Что встречать? Ночь как ночь». Так повторилось и на этот раз. Но я дошёл до деревни, и уже не плохо!

Мама позднее мне выговорила:

– Любить дорогу и деревню, не значит рисковать. По лесам бродят стаи волков, а тебе лет – с гулькин нос.

Врастание в артерии дорог, приводивших нас в уваровские края, впиталось в мою кровь, а может, от рождения превратилось в часть меня. Волки?.. Подумаешь! Сколько люди хаживали, пока все живые. Наивный...

Дорожная пуповина, связывающая нас с сельскими околицами и работами со временем не то, что не исчезала, – она крепла! Нам, имевшим городскую квартиру в кирпичном доме, хотелось сельского уклада – укоренилась тяга к работам на деревенском огороде. А тут и возможности появились. За городом появился надел – машиностроительный завод выделял участки земли на целине своим работникам под посадку картофеля, а на лугах – под мелочь: морковь, лук. Хождения «в поля» и «на луга» и перевитые с ними заботы помогали выживать. Лишних денег в семье не водилось. «Как потопашь, так и полопашь», – говаривал отец, подтачивая оселком лопату.

Беда не миновала деревню стороной. В начале девяностых Уваровка, как центр нашей Вселенной, канула в прошлое. Родные уваровские лица упокоились в ином мире, а дома их заселились чужими. Сама деревня хирела, пока не превратилась в почти заброшенное селение. Торопиться нам стало не к кому. Переживал ли я утрату? Да, но я ещё не постиг её истинной глубины, да и не мог постичь. Горевать – не искусство, не творчество, по взмаху руки режиссёра не приходит причитанием и не уходит по команде «Занавес!»

Глаза мамы после тех потерь изменились – загрустили. С неумолимой быстротой лицо её испещрили морщинки, она перестала петь и на просьбу о песне лишь отмахивалась:

– Нет, не до песен...

Отчасти душевную боль смягчали передвижения на садовый участок, что родители получили от завода в коллективном массиве в полукилometре от городского погоста. Ходили в сад поодиночке и семьёй, ходили в жару и когда вокруг уже (или ещё) лежал снег. Батяня перекапывал землю, ровнял участок, заботился о картофеле, мама разводила клубнику, а мы с сестрой оставались на подхвате. Приятные заботы, милые сердцу хлопоты. Находясь возле земли, мы чувствовали уваровскую пуповину и без сердечного надрыва вспоминали о деревне: «А помнишь...»

По тропинкам в лесу, по глине лесных проездов, то сырых до месива, то подсохших, при всяком удобном случае мы спешили в наш обетованный уголок. Шли, чтобы обрызгать настоем луковой шелухи кусты, собрать с картошки колорадского жука, прополоть, присмотреть, попроведать... Путь выводил нас через пригородный лес на дорожную развилку: налево и вверх – к саду, прямо путь лежал к городскому кладбищу. Мы поворачивали налево. Печальные памятники при этом оставались далёким и нас не касаемым пространством. Некогда грустить – работы невпроворот! Случалось, люди шли на кладбище по устоявшемуся издревле поводу, а мы торопились всё одной и той же дорогой налево – в сад – прополоть сорняки, полить грядки...

Апрельский снег тускнеет с угасанием закатного света. Камни и гальки на дороге уже едва различимы. Кажется, набралось прилично, но до рези в глазах я всматриваюсь в глину под ногами – вдруг лежит где маленький окатыш, которого мне не хватит. Этим вечером я не лишился рассудка, не впал в детство, но жизнь остановила свой бег, замерла. Не думалось ни про сад, ни о грядках, делах и заботах, что прежде связывали до метра знакомую дорогу и конечный пункт перемещения по ней. Старался думать только об одном – хватит ли того, что

собрал? Если бы я не размышлял об этом, то сел бы на первую попавшуюся лесную кочку и дал бы волю хрипу, рвущемуся наружу.

Впереди знакомая развилка. Ноги ведут меня по прямой – к погосту. Сегодня пополудни мы опустили здесь в землю маму, отрезав её слоем земляного покрывала от нас, продолживших мыслить, говорить, вздыхать. Мы с сестрой затосковали, но сердобольные родственники подсказывали, что сознанию ещё только предстоит осмыслить утрату. Зачем осмысливать тоску? Неужели люди думают, что с маминым уходом мы перестанем жить её мыслями, произносить её фразы?! Я пропитался материнской плотью, кровью, живу благодаря маме. Сколько хлопот, переживаний я ей принёс... Сказать бы, повиниться лишний раз. Услышит? – я смотрю на потемневшее смуглое небо. Её рука уже не коснётся моего плеча: «Нагнись, а то вырос, что и в щёку не поцеловать...»

Скорбным вечером кто-то из родных, остановившихся на нашей родительской квартире, вспомнил, что на могилке после похорон должен быть выложен крест. Мы этого не сделали.

– Из чего выкладывают? – спросил я.

– Да из тех же мелких камешков, – прозвучало в ответ.

В одиннадцатом часу вечера я отправился на могилу мамы. На давно знакомой дороге насобираю полные карманы галек. С каждым шагом я приближаюсь к маме, дышать становится всё легче. Хрип внутри угас. Спешу, мне надо многое успеть... Мой взгляд больше не застывает под ногами. Чем ближе, тем больше начинаю ощущать материнское присутствие. Щёк моих коснулись её тёплые ладони. Странно, ещё немного и перейду на бег.

Ты ждала меня? Я пришёл...

И вот сижу у свежего земляного холмика на корточках, руки выкладывают древний символ... Прости! Глажу не холм, а твои сложенные на груди усталые руки.

Могилка условность. А остальное... Человеческое сознание способно истолковать далеко не всё. Знаю, ты слышишь меня, видишь меня. Расскажи, что есть жизнь? Что за ней? Что связывает близких людей между собой?

Время остановило свой бег. Сколько прошло? Час? Год? Век? Стою здесь, на погосте, рядом с деревянным вкопанным крестом, но иные чувства овладевают мной – мы идём с матушкой знакомыми зелёными полями по едва заметной тропе. Снова рассказываем друг другу о будничных делах. С ног спадают путы. Над головами рассыпается яркими брызгами солнце, ветер тёплыми волнами касается наших лиц, и мы, взявшись за руки, словно плывём над этой дышащей жизнью благодатью. Величие связи земного и небесного вселяет надежду – никакая смерть никогда не будет властвовать над нами и бесконечностью человеческой любви...

Ходики

Над передовой занимался серый рассвет. Тусклый, промозглый. «Что принесёт новый день? Нашёл о чём думать. Дожить ещё надо. Командир не дожил...» – Прокопий ткнул от досады стволом ТТ* в ползущего рядом пленного. Тот втянул голову в плечи. Эх, потерять такого парня ради пленного гауптштурмфюрера! Больно высока цена... Шепнул фрицу на

ухо: «Слышишь, гад, из-за тебя Сашку неживым тащим». Немец поморщился, дёрнулся, но ответить из-за кляпа во рту не мог.

Группа армейских разведчиков возвращалась из прифронтового немецкого тыла в расположение своей части. Осталось миновать разбитую сорокапятку, как покажется линия долгожданных окопов, в которых свои. Там группу ждали. Из пятерых возвращались четверо, пятый, гауптштурмфюрер, не в счёт. Командира разведгруппы Сашку Минкина тащили на плащ-палатке по заведённому правилу «пятеро ушли – пятеро вернулись». Живыми, не живыми – отношения к правилу не имеет.

В ближнем тылу немецкой передовой Сашка «брал» курившего возле блиндажа фрица, когда рядом появилась фигура второго курильщика. Тот сразу поспешил на помощь своему и успел нажать на курок. Пришлось группе ликвидировать и подмогу, и тех, кто находился в блиндаже. Сашкиного немца, оглушённого, потащили в темноту, унося и бездыханное тело командира.

Разбитая сорокапятка на нейтралке оставалась при возвращении «оттуда» знаковым рубежом. От неё меньше сотни метров до своих. Эти последние метры решали всё, отчего и не торопились их преодолеть. Вроде бы рядом, да не встанешь, не пойдёшь. Каждый пятачок земли пристрелян. Фить! – и зря гауптштурмфюрера брали. Ещё обиднее будет за Сашку: за что погиб парень? Поэтому замерли в воронке под изуроченной пушкой, которая прикрывала их своим мятым железом не в первый раз.

– Тихо? – спросил Прокопий, не надеясь на собственный слух. В ушах от тишины и пережитого напряжения звенело кузнечиками, хотя... какие в четыре утра кузнечики.

– Тихо, – прозвучало в ответ от соседа.

– Андрюха, пойдёшь первым. Я следом за тобой поползу рядом с немцем. Кирилл за нами тащит Сашку, а ты, Вень, прикрывай, – отдал распоряжение Прокопий. Без командира он, оговорено было заранее, становился старшим.

– Т-с-с...

Рядом зашуршало.

Прокопий осторожно подполз к краю воронки и чуть поднял голову. Серые, едва видимые тени стелились на земле метрах в пяти от сорокапятки. Почти бесшумно они двигались в сторону немцев. Словно тёмная вода в рассветных сумерках струилась по чернеющей земле.

Тихий вздох Прокопия не услышал никто. Было от чего вздыхать: немецкая разведгруппа возвращалась с передовой советской части. Наверно, взяли кого-то в плен, тащат на загровке у самого сильного немца, и также торчит кляп во рту зазевавшегося возле сортира красноармейца. Может, офицера. Война жестока, и в ней случались такие закавыки. Не один раз приходилось встречаться злейшим врагам на нейтральной полосе, и как-то даже рассматривали друг друга: Прокопий – немца, тот – Прокопия. У каждого свой страх, свой долг. Молча разминулись. Главное, и тому, и другому надо было без шума добраться в расположение своих.

Тени чужих исчезли. В голове у Прокопия продолжали стрекотать кузнечики, но он знал, как их обхитрить. Положил голову на землю и прислушался одним, а потом другим ухом к её дыханию. Тихо.

– Приготовиться. Андрюха, пошёл...

Вернулись без осложнений. Днём похоронили с почестями старшину Минкина.

Вечером за поминальной чаркой разговорились о жизни.

– Скажи, Прокопий, чем заниматься после войны будешь? – поинтересовался Андрияха.

Сложный вопрос. Другого бытия пока не предвиделось, но захотелось сказать ребятам что-нибудь такое, чтобы жить захотелось. И не просто жить, а с музыкой!

– Клад искать начну, – усмехнулся Прокопий.

Товарищи поперхнулись, допивая очередную чарку.

– Ты же коммунист! – упрекнул Вениамин, вытирая ладошкой подбородок. – Твоя задача – пример другим подавать. А клад – это, брат, мещанство какое-то.

– Одно другому не мешает, – ответил Прокопий.

– Клад чей? – поинтересовался Андрей, вытирая рукавом сырую чуху.

– Деда моего. В революцию испугался он, что отберут накопления. Со слов отца, добрую кучу золотых монет дед куда-то засунул. Богатый был, лавку держал, да, выходит, не принесло ему богатство долгожданного счастья. Одни заботы. Отец потом нюхался по постройкам, в погребе стены шупом протыкал. Бесполезно. Не нашёл.

– Зачем тебе, Прокопий, деньги? – задал вопрос Андрей.

– Живым вернусь, а в колхозе ни скотины, ни техники. Государству отдам, оно нам поможет на ноги встать, – просто объяснил Прокопий.

И ребята ему поверили. Не мог коммунист Оськин на себя золото потратить. Закалка не кулацкая. Поговорили и забыли. «Золото, серебро – не главное... Эх, только бы вернуться!» – одна мечта оставалась у бойцов из разведгруппы старшины Оськина.

Август на удивление распалил воздух. Дверь открывать не пришлось, по летней жаре она оставалась распахнутой настежь. И на входе никого. «Доброе начало, – подумал Дмитрий Тимофеевич Оськин, музыкант по образованию, ресторатор по профессии. – Не придётся объяснять охране, что принёс документы на оформление земельного участка в собственность».

На стенах длинного коридора городской администрации висели фотографии местного фотохудожника Стрекалова. Наконец-то убрали надоевшую мазню заезжих проходимцев. В прошлые заходы в глаза бросались аляповатые «шедевры» малоизвестных мастеров кисти из далёкого Житомира. Что делали здесь, в центре России, украинские «маляры» – а именно так их и прозвали все, кто хоть раз видел «произведения» житомирцев в простых деревянных рамках, – толком никто понять не мог. На выставку, по слухам, потрачены были немалые средства, коих местные творцы не видали годами. Злые языки поговаривали, что по окончании международного культурного мероприятия приезжим горе-художникам был выплачен немалый гонорар, а в качестве духовного поощрения они получили в красивых коробочках нагрудные знаки «За вклад в культуру города Топинска». «Бог им судья! – Оськин махнул рукой. – Документы бы сдать».

Оськин принёс в администрацию дополнительные справки по выделению ему земли в количестве десяти соток в деревне Бритвино. Получался то ли пятый, то ли шестой его заход в администрацию, и он отчаянно надеялся, что последний. Зря надеялся.

В кабинете на втором этаже милая девушка с постным выражением лица, едва взглянув в бумаги, заметила:

– Печати не хватает на второй странице.

Бывший музыкант, вспомнив, как эта же самая девушка заверяла его, Оськина, в том, что на дополнительных справках печати не нужны, чуть не взял самые низкие тона в протяжном «а-а-а». Не она ли успокаивала: «Вы нам любую справку от топинских энергетиков покажите. Можно и без печати. Для вашей же подстраховки надо. Мало ли, по будущему землеотводу кабель у них бросить запланировано». Здравствуйте! Опять двадцать пять: печати не хватает на второй странице.

Если бы земельный участок, на который претендовал Дмитрий, не был когда-то родовым гнездом семейства Оськиных, давно бы махнул рукой: «Ну его, участок этот!» Проблемы с бумажками прямо-таки подталкивали отказаться от затеи. Но манило к бритвинской земле, да так манило, что, по его же признанию, раз за разом «взбирался на эшафот с гильотиной» в лице бюрократии. Получал порцию чиновничьих указаний, материл «советчиков» в душе и уходил, чтобы вернуться. Зачем? Может быть, семье хотелось подарок сделать – построить небольшую дачу среди рощ, полей и лугов. Может, что называется, хотелось долг воздать памяти предков. Оськин даже продумал, из чего дешевле будет домик скатать. Не забыл он и про городскую свалку, где в одном из углов частенько сваливались в большую груду стройотходы из щитов, остатки панелей. Не хватало главного – оформить пакет документов на землю.

День, когда это свершилось, Дмитрий запомнит навсегда. Ровно через двенадцать месяцев после начала хождений по инстанциям ему выдали на руки разрешение на право пользования землёй в деревне Бритвино.

Последние числа июня выдались жаркими, семья просилась на природу, и как тут было не совместить приятное с полезным.

– Завтра утром едем в усадьбу, – гордо объявил Оськин семейщикам накануне поездки. – Бутерброды не помешают. Питья возьмите побольше.

– Свершилось! – только и нашлась что сказать супруга Дарья, тридцативосьмилетняя красавица, которой в очередях нередко советовали «сначала достичь совершеннолетия, а потом рассуждать».

Годы её действительно не брали, что не без удовольствия отмечал и Дмитрий.

– Ура! Обзавелись загородной недвижимостью, – рассмеялась восемнадцатилетняя дочь Галина, поворошив шевелюру с чередующимися выкрашенными прядями – рыжей, чёрной, рыжей, чёрной...

– Ещё только собираемся обзавестись, рысёнок, – буркнул Оськин дочери.

Ночью прошёл дождь. Легковая машина бойко бежала по сырой дороге, отчего пассажиры то и дело с опаской поглядывали по сторонам на мелькавшие мимо сосны.

– И надо так гнать? – поинтересовалась дочь.

– Тороплюсь, рысёнок, на свидание с помещьем, – ответил отец.

Дочь на прозвище не обижалась. Иногда даже подыгрывала, показывая длинные ногти.

Оськин смотрел на дорогу, ловко крутил руль, работал педалями, а голова размышляла. Было о чём. В собственности появился участок земли, где когда-то стоял дом деда Прокопия. Сорок лет назад усадьба оказалась заброшена, и никто там не жил, не строился, землю не трогал. Хозяйство, по воспоминаниям матушки Дмитрия, запустело, чему помогли местные жители. Кто брёвнышко из стены вытащил, кто скобы сорвал, кто чем смог, в общем, тем и поживился. Усадьба быстро заросла черёмухами, рябинами, и в конечном итоге время спрятало под зелёным покровом места прежних построек. А так

хотелось поставить небольшой домик именно там, где располагалась пятистенка деда, что значило бы преемственность. Но как воссоздать планировку, о которой Дмитрий слышал немного от матери? Её, увы, в живых не было десять лет. Сама деревня захирела, порасспросить в ней стало некого. Расположение избы, конюшни и огорода Оськин помнить не мог. Дед-фронтвик ушёл из жизни, когда Дмитрию исполнился год. Отвоевав в Великую Отечественную, дед Прокопий вытащил колхоз на своих плечах. По рассказам матушки, коммунистом всю жизнь оставался, но, нет-нет, вспоминал о каких-то богатствах, спрятанных предками ещё в революцию. Жалел, что колхозу не помог этими сокровищами. Смешно, право... О себе деда не думали.

И вот едет Оськин на смотрины родового гнезда, да придётся, пожалуй, лишь подышать там свежим воздухом. Смотреть пока не на что.

– Обзаведёмся дачкой, сарай возведём, чтобы инструмент держать, а то и машину под крышу ставить. Без бани дача не дача. Появится со временем и банька. Красоту тебе, Даша, наводить. Клумбы там, грядки, цветники всякие разобьёшь. Да хорошо бы в прежнюю планировку хоть немного вписаться. Беда, не знаю, где что располагалось. Представляете, как славно было бы...

Дочь прервала:

– Ничего, говоришь, папуля, об усадьбе не знаешь. А ты повспоминай бабушкины рассказы о деревне. Может, зацепка какая-то появится.

– Какая зацепка, рысёнок?

– Ну, деревья высокие перед окнами росли, например, – уточнила дочь.

– Да всё там по высоте, Галина, выровнялось, – хмыкнул отец. – Старые деревья сейчас ниже новых. Сама скоро всё увидишь.

– Так, а фундамент у дома какой был? – не унималась дотошная студентка политеха.

– Откуда я знаю. Наверно, брёвна были, да сплыли. Полвека деревья место осваивали, вот и подъели корневища и фундамент, и остатки стен. Ничего там не опознать.

– Бабушка, может, про колодец рассказывала? Или ямы выкопаны были. Мусор-то куда выбрасывали? – поинтересовалась дочь. – Давай от мусора плясать начнём.

– Не знаю, не знаю. Какой там мусор отыщется после стольких лет? – пробормотал Оськин.

В голове его из глубин памяти вдруг всплыли воспоминания матери о том, как она закопала под окнами в палисаднике сломанные ходики. На вопрос, зачем часы было в землю зарывать, ответила, что в деревенской школе ботаничка научила. Дескать, зарытое в землю железо приводит к усиленному росту растений и кустарников. Ничего в доме не найдя, матушка, в то время пятиклассница, обратила внимание на валявшиеся в углу сарая сломанные ходики. Стрелки, механизм, гири – всё у них сделано было из железа, из-за чего жалели, наверно, выкинуть. «Зарою, никто не хватится!» – подумала тогда школьница.

Оставшись в доме одна, забралась с лопатой в палисадник. В нескольких метрах от стены избы выкопала в клумбе ямку, уложила туда ходики, посадила саженец сирени и всё аккуратно зарыла. Удивительно, но с рук сошло. Со временем любовалась подрастающая девочка на дивные, как ей казалось, результаты эксперимента. Куст прижился, пышно цвёл и был, пожалуй, чуть выше соседних.

Вот она, зацепка!

– Рысёнок, железные ходики там где-то зарыты. Может, поищем? – спросил Оськин у дочери.

– Металлоискатель нужен, – прозвучало в ответ.

– Где его взять? – удивился Дмитрий довольно толковому замечанию.

Машина подъезжала к деревне.

– Попрошу у знакомых ребят. Будет тебе металлоискатель на следующий заезд, – обрадовала обещанием дочь.

Смотрины прошли быстро. Любоваться было не на что. Заросший деревьями и кустарниками пустырь даже обойти не удалось. Где тут стояли постройки, где располагались входы-выходы, в жизнь не догадаться.

– Джунгли, – коротко подытожила супруга.

– И металлоискатель не поможет. Не пройти тут с ним, папуля, – добавила Галина.

– Участок наш. Начну приводить его в порядок, – успокоил не то семейщиков, не то себя Дмитрий. – Дела надо доводить до конца.

После недолгого обеда на природе, «как вы, дорогие, и просили», Оськин засобирился в обратный путь. Предстояло проехать по летней дороге те же самые пятнадцать километров. «Если пилить, корчевать собираюсь, то завтра поутру созову ребят на помощь. Приедем на полдня. Вечером ресторан должен принимать посетителей, значит, в три дня, как штыки, должны быть на работе. Послезавтра снова сюда возвращаюсь, и так до победного конца», – определился с планами Оськин.

Через неделю он привёз семейщиков на адрес «деревня Бритвино, улица Первая, дом один», что на деле означало деревенский пустырь. В этот приезд участок кардинально изменился. По краям его остались стоять три сосны, две черёмухи и несколько кустов рябины. Стволы, ветки и корневища спиленных деревьев сгрудились в стороне и ждали своего приговора.

Увидев результаты ежедневных поездок отца, дочь воскликнула:

– Папуля, ты превзошёл все мои ожидания!

Оськин махнул рукой:

– Не надо лишних слов, рысёнок! Аппарат заряжен?

Дочь кивнула:

– Техника к бою готова! Находим всё – от гвоздей до бриллиантов. Вперёд!

Галина методично обходила участок с металлоискателем в руках, повторяя движения косаря, но в особой замедленной манере. Нашла три гвоздя, подкову, несчётное количество каких-то ржавых болтов, лемех от плуга, монетку тысяча девятьсот тридцать третьего года. Но намёков на закопанные часы не было. Между тем ходики играли главнейшую роль в определении границы «дом – палисадник». Оськин сжигал ветки, корни, отмахивался от назойливых паутов – даже дым докучливым не помеха! – и в ожидании посматривал на дочь. Та как истинный патриот родовой усадьбы ходила и ходила кругами по только ей понятному маршруту. «Откуда в дочери такая выносливость?» – удивлялся Дмитрий.

К вечеру раздался сигнал об обнаружении металла. Сотый по счёту, не иначе. Галина навела аппарат так, что он пищал не переставая. Сапёрной лопаткой девушка подцепила слой земли, раскрошила в руках. Ничего. Копнула снова. И опять в мелкой земляной крошке ничего не обнаружилось. На пятый раз лопатка ударилась в железо. Гирька от часов!

– Папуля, нашла! – закричала Галина.

Отец уже подбегал. Подходила и мама.

– А-ха-ха! Получите ваши ходики, – веселилась Галина. – Правда, что-то не идут. Может, масла капнуть?

Из земли она осторожно доставала деталь за деталью. Вытащила ржавую цепь, а вот и сам механизм в прогнившей коробке.

У Дмитрия затряслись руки. Его глазам явился привет из прошлого.

Восхитился мастерством дочери:

– Галина, ты у меня заправский следопыт! Даш, ты знала о таланте дочери? Знала и молчала? Вы мои разведчицы...

– Не надо лишних слов, папуля! Помоги материально.

– Столик в ресторане будет заказан, – пообещал Дмитрий. – Извольте назвать дату.

– Ловлю на слове. Количество персон, как я понимаю, предполагается двое – я и мама, – рассмеялась дочь. – Кажется, дальше копать нечего. Знаете, дом стоял, наверно, окнами на юг, по такой линии. Вон север, в ту сторону – юг.

Девушка поднялась с земли, отряхивая одежду. Покрутила головой: «Ага!» – и прочертила ногой воображаемую линию-стену. Взяв в руки металлоискатель, собралась отнести его к машине. Пискнуло опять, видимо, от лежавших на земле частей от ходиков. Галина вздохнула: «Дела надо доводить до конца!» – осторожно сдвинула железки в сторону и навела прибор на яму. Запицало. Странно. Наверно, какая-то проволока от часов осталась в глубине. Лопата врезалась в дно ямы, оставшейся от вырытых ходиков. Удар в почву отозвался звуком хрустнувшей жести. Раз за разом вонзала Галина лопатку в яму, пока не показался край рыже-чёрного ящичка.

Оськин растерянно смотрел, как дочь осторожно освобождала из земляного плена железный ящик, местами прогнивший. Он пролежал десятилетия прямо под ходиками. И как матушка его не обнаружила в детстве? Оставалось-то копнуть разок...

И вот ржавая, приличных размеров коробка оказалась на поверхности.

– Примите клад в дополнение к часам, – пошутила дочь.

Ладони Оськина скользили по крышке, очищая находку от прилипшей почвы. На крышке со следами зелёной краски виднелись какие-то красные полустёртые буквы.

– Открывать? – спросила Галина.

Не дожидаясь ответа, со скрежетом подняла крышку. Внутри, пересыпанные землёй, блеснули жёлтым блеском монеты. Дарья ахнула. Галина сосредоточенно вглядывалась в коробку. Что говорить? Похоже, и в самом деле что-то ценное вытащила.

Оськин нервно рассмеялся. Вытер мятым носовым платком вспотевший лоб и произнёс с необычной хрипотцой:

– Клад, о котором горевал дед Прокопий, оказывается, не выдумка.

Руки новоиспечённого наследника клада коснулись ещё одного приветов из прошлого. Монеты были тёплыми. Может, показалось. «Надо же, царские золотые червонцы. Кто же профиль Николая Второго не знает? Не сон ли?» – мелькнуло в голове Дмитрия. Счастливо вздохнув, он вдруг расхохотался:

– Галка, разорила! С меня столик на пять вечеров подряд. Зови кого хочешь.

– Папуля, мне и одного вечера хватит. Успокойся, тебе ещё баранку крутить. Одно теперь мне ясно: неслучайно тебя усадьба манила. Прадед с небес выбирал, кому отдать. Радуйся, тебя выбрал. Не зря ты пороги обивал в городской администрации.

Домой возвращались, рассуждая о том, ставить ли в усадьбе дом одноэтажный, но приличной площади, или двухэтажный с мансардой. Дорога вилась среди ярко-рыжих сосен, окрашенных заходящим за горизонт золотистым шаром. Оськин поглядывал в его сторону и посмеивался над собой: «Не царский ли профиль на солнце высматриваю?»

Михаил Закс

Выпускник физического факультета 1979 года. (Это сочинялось, сидя на военной кафедре в день экзамена). Живет и работает в Германии.

Инструкция по сборке АКМ в стихах

(посвящается военной кафедре)

Когда берешь ты в руки АКМ,
Неполную разборку начиная,
То забывать, дружок, нельзя совсем,
Что мирно спит республика родная.

Ты отсоединяешь механизм,
Твой палец отогнул назад защелку,
А раньше в ружьях был заряд один,
И даже порох сыпали на полку.

Затем нажми на спусковой крючок
И передерни рукоять затвора.
А вдруг патрон в патроннике еще,
Он может выстрелить и поразить майора!

Их много есть еще в чужой стране,
Завидующих жизни нашей вольной,
А потому будь бдителен втройне,
Снимая крышку от коробки ствольной.

Нам с детства чужд абстрактный гуманизм,
Но враг готовит козни воровато,
А потому возвратный механизм
Ты бережно достань из автомата!

Оберегай покой родной земли
И вытащи затвор из рамы сразу,
И ствольную накладку отдели
И с нею трубку для отвода газа.

Обычно автомат наводит страх,
А тут лежит он, безобидней мыла,
Поковырайся шомполом в зубах
И собери оружие, как было.

Еще дополнение к названию стихотворения. *Когда пройдет пять лет* (так называлась пьеса, которая ставилась в студенческом театре «Отражение», актером которого был Олег и его друзья).

Из записной книжки Н.Клепиковской.

Павел Павлов

Выпускник исторического факультета 1981 года. Умер в (уточню). Во время его учебы изустно ходила по университету Пашина поэма «Верблюдиана». Я помню только одну главу, но гениальную, на мой взгляд. Итак...

Глава «Весна»

Пахнет свежим огурцом,
Хочет стать верблюдом отцом!

Он был еще талантливым художником.

Из записной книжки Н. Клепиковской.

Вячеслав Раков

Вячеслав Михайлович Раков – историк, культуролог, поэт. Родился 31 октября 1953 года. Окончил исторический факультет Пермского университета в 1976. Работал учителем истории, затем окончил аспирантуру МГУ. В настоящее время занимается преподавательской деятельностью в ПГНИУ.

Первые стихи В. М. Раков начал писать в студенческие годы. Стремление заниматься поэзией во многом было обусловлено той культурной атмосферой, которая царила в Пермском университете. ПГНИУ, по словам В. М. Ракова, – это место, которое «раскручивает» и раскрывает человека, место, где собираются люди, образующие «сильную среду».. Поэтому время первого –

«юношеского» – периода творчества поэта пришлось именно на студенческие годы. Этот период плавно перетек в 80-е, ставшие, скорее, десятилетием поисков, нежели прорывов.

Следующий этап поэтической биографии нашего автора начался в начале 90-х. Сам В. М. Раков называет 90-е временем арт-терапии. По словам поэта, это было время самоанализа, попыток осмысления своего отношения к действительности. Особое место в этом периоде занимают стихи Пермского цикла. В них Пермь предстает достаточно сумрачным городом, с которым автора связывают довольно непростые отношения. Второй период стал самым плодотворным в творческом плане: с ним так или иначе связаны два сборника стихов: «Золотая игра» (1996 г.) и «Число π» (2006 г.)

Третий период, начавшийся с середины 2000-х, В. М. Раков называет периодом объективистских стихов. В начале века поэт начинает отходить от Пермской темы и переходит к малой поэтической форме – к зарисовкам с внешней и «внутренней» натуры, – к стихам, по словам поэта, более взрослым.

Библиография:

1. «Золотая игра» – сборник стихов, 1996 г.
2. «Число π» – сборник стихов, 2000 г.

Ж. А. Иванова

Был ли мальчик на утреннем теплом крыльце,
На мгновенной полоске покоя?
Наплывает охота меняться в лице
И дышать кое-как, кое-кое.
Электрический мальчик коленкой задел,

Тут нашла моя бритва на камень,
И стою я, как окунь в холодной воде,
И едва шевелю плавниками.

Памяти Николая Зарубина

Озерные холсты, прохладное свеченье,
Тихонько подойти и покрошить печенья
Всем тем, кто здесь живет – от Камы до Алтая,
Переплывая смерть и музыку латая.
Под Пермью низкий звук и длинные пустоты,
Подземная пчела там заполняет соты,
Там время копится, к зиме загустевая,
И дремлет тело живописца Николая.
Успеть бы к осени добраться до постоя,
Где бирюзовый свет и облако густое,
И в том свету, подъятом, как акрополь,
Поесть крошки, пахнувшей укропом.

Хорошо, что я Тебя не знаю,
Отвыкаю от Твоих имен,
И чем ближе я Тебя не знаю,
Тем желтей лимон,
Тем понятнее собаки лают.
Я запинаюсь о высокие слова,
Я поднимаю ноги выше,
А громким отвечаю: не орать,
Здесь дети спят,
Здесь кот идет по крыше.

Дыхание сужается до жалости.
Вот деревянный колокольчик старости
В руке кленовой, а в еловой лапе
Зеленая прививка от привычки
Умом пилить горение на спички.
Глаз заресничен,
Застеклен слезою.
Чем уже жизнь,
Тем ближе мы с тобою.

Преимущество долгой зимы
В том, что небо спускается ниже
И под ним – от тюрьмы до сумы -
Ни один не слышал о Париже.
Преимущество долгой зимы
В том, что счастье никак не присядет
На неровности этой земли,
Обжигаясь о снежные пряди.
Сладко прятать в подкожный раек
Трудоемкий комочек ненастья
И себя заготовливать впрок
На поломанном лезвии страсти,
Чтобы, если случится дойти,
Не разбив ни костей, ни посуды,
Заикнуться неслышно: – прости,
Ты же знаешь, я больше не буду.

Бабочка по имени Вот Те На

Мальчик-мальчик, ты отвязан
За мгновение до сна,
Ты одним дыханьем мазан
С бабочкою Вот Те На.
Ваша узкая удача
Разрешается в просвет.
Бог ты мой, не надо сдачи
И спасибо за билет.

Живи свою жизнь –
И умрешь своей смертью,
Неси свою тень,
Покамест не смерклось,
Женись по любви
На Инне и Яне –
И будут тебе
Голоса в окияне.

От тишины остались голоса
Два-три колоска
Идут качаются голосуют
Но никто не останавливается
Потому что плохо слышно
А громче они не хотят

Вот зелененький огонек.
Вот калененький уголек.
У этой ночи два глаза,
И оба смотрят тебе в душу.

Станислав Смолин

Станислав Георгиевич Смолин – выпускник биологического факультета ПГНИУ.

Первые стихи автор написал, будучи школьником, позже начал исполнять их под гитару, причем так складно, что были даже подражания. И, конечно, одобрения.

В 1987 году Станислав поступил на биологический факультет Пермского государственного университета. На факультете была стенгазета, в которой поэт был постоянным автором: «Многим газета нравилась. Филологи бы разобрали, конечно, по косточкам, а биологи – ух ты, ух ты!».

Автор занимался в музыкальном классе, пел в двух хорах, выступал на концертах. И выступает до сих пор! В памяти Станислава сохранился широкий образ, связанный с ВУЗом, – чувство единого целого, объединившее многих.

Хотя учеба на биофаке поэту нравилась, душа все-таки рвалась на филфак. Станислав поступил на заочное отделение заветного факультета, но проучился лишь семестр – курс старославянского не поддавался изучению.

«Песня и стихи, не прицеленные на музыку, – совершенно разные вещи. Единение чувствуешь, когда нет давления на ритм, деления на припев/куплет». Однажды стихи Станислава были напечатаны без ведома автора, приехали друзья из Свердловска и вручили книжечку со словами: «С тебя бутылка!». А начиная с 2010 года, автор печатается в совместных сборниках пермских авторов объединения «Дом авторской книги». Поэт планирует издать личный сборник стихов в обозримом будущем. Тем более, когда стихи автора дают такие результаты – в прошлом году Станислав стал лауреатом всероссийского конкурса авторской песни «Гринландия» в номинации «Поэзия».

И по сей день Станислав ведет активную творческую жизнь: участвует и выступает в качестве жюри на городских конкурсах, фестивалях Пермского края и соседних областей. Совсем скоро выйдет диск, на котором будет 20 песен и 2 стихотворения.

В последние три года в стихах автора больше философии, лирики и пародий в песенном варианте. Поэт считает, что если послушать произведения последних нескольких лет, то сложится вполне цельная картина его жизни и творчества.

Библиография:

1. «Танго для двоих»
2. «Размышления о вечном»
3. «Пермь многоликая»
4. «Поэтично и прозаично»
5. «Поэтично и прозаично»

Сентиментальный вальс

Биофаку ПГУ посвящено

Представить, как нас разбросало
По синему шару земному,
И тотчас охватит тревога,
Что может уже никогда...
Но, как бы оно не случилось,
Я нашему общему дому
Всегда буду верен, и всех вас
Я рад буду видеть всегда.

Воистину лучшие годы
Провел я на лоне природы,
Провел, пожимая вам руки,
Любовью и братством согрет.
И формула альфа-глюкозы,
И Светкины губы и слезы...
На всю мою квелую старость
Мгновения прожитых лет.

Спасибо, мои дорогие,
За ваши сердца молодые,
За ваши красивые судьбы,
Присущий душе непокой,
За эти счастливые лица,
Которыми не насладиться!
Которые мне будут сниться
И за гробовую доской.

Песенка о себе

За какие такие достоинства
Бережет меня Господь Бог?
С чего ради со мной столько возится,
Отдаляя последний вздох?

Разлетелись несчастья предвестники,
Катастрофы не произошло.
Неужели за эти вот песенки –
Несерьезное ремесло.

От меня нет ни пользы, ни выгоды
Ни сородичам, ни стране.
Только редкие к зрителю выходы
Да брэнчание по струне.

Я ни дома, ни сына, ни дерева
Не оставлю грядущим векам,
Но мелодию, что вдруг навеяло,
Постараюсь прибрать к рукам.

Я со всеми целуюсь и ручкаюсь,
Я не сплю порой до зари,
То похмельем, то трезвостью мучаюсь
И снаружи, и изнутри.

Но встают на крыло рифмы-птенчики,
Проступает неясный узор
И нет-нет, да рождаются песенки,
Коих не было до сих пор.

А началом всему была музыка
Из распахнутого окна
Посреди переулка узкого,
Где безлюдие и весна.

Ветерок облака помешивал,
Стрекотал за углом трамвай,
И повсюду флажки развешивал
Надвигавшийся Первомай.

А в окне отворенном, издали
Прилетевшие воробьи
Сладкозвучия вдруг слышали,
Так похожие на свои.

На комодe цветы-подснежники,
Штор узорчатых паруса,
А под пальцами пели нежные
Черно-белые голоса.

Гаммы, гаммы порой до полночи,
Даже за полночь иногда,
Без какой-либо божьей помощи,
Хоть без помощи – никуда.

И в минуты тоски-отчаянья
Утешала себя и всех,

Что при должном придут старании
И признание, и успех.

И уже рисовались Генуя,
Многоцветица, мишура,
Фуг и Баха, сонаты Генделя
И овации до утра!

Мнился Мюнхен, мечталась Франция,
Лучезарная снилась даль...
Но пока, непокорность празднуя,
Измывался, как мог, рояль.

Репетиция не закончена!
Пальцы плавают, как в бреду,
А на улице сухо, солнечно!
Самый солнечный день в году!

По тому переулку узкому
Я нечаянно проходил
И сначала услышал музыку,
Лишь потом – тебя полюбил!

Раздухарись, честной народ,
В канун Дня города!
Законнее за целый год
Не сыщешь повода!

Мои года проходят пусть,
Часами тикая,
Ведь на века Святая Русь
И Пермь Великая!

Искристым веером салют
Над мирной Камою...
Спасибо, Боже, за судьбу,
За эту самую.

Эле

Элечка, тебе
Колеса мерзлые стучат
На стылом стыке,

Иные громы не звучат
Зимы на пике.
Снегов стотысячная нить
Своей иглою
Рассветный мрак стремится сшить
С вечерней мглою.
На водоемах рыбаки
Штампуют норки,
А во дворах снеговики,
Катки да горки.
И не найдется для зрачка
Среди лесочка
Ни паутинки, ни жучка
И ни цветочка.

.....
Сожми страдания в горсти,
Молись иконе.
Судьба – полжизни провести
На снежном фоне.
В мороз да в морось,
В грязь да в слизь
Жить – как в неволе,
Не постесняйся, прослезись
По русской доле.
Печаль, как море, глубока
По загранице,
Но вдруг прильнет твоя щека
К моей ключице.
Вдруг поцелуй, как огни,
Блеснут на коже.
Прикосновенья в эти дни
Вдвойне дороже.
И ледяной, полночный дым
С рассветом синим
Согрет дыханием твоим -
Таким не зимним!
Пусть посылают небеса
Метель к оконцу,
Но эти брови и глаза
Помогут солнцу

В глуби небес покой и тишина,
Мигают звезды слезными глазами;

Бессильны мы, не властны времена,
И световые годы между нами.

Вдыхая негасимое свечение,
О чем-то вечном хочется мечтать,
И все века манит одно стремленье:
Постичь или хотя бы сосчитать.

Считают звезды на планете брэнной
Пастух в степи, матрос на корабле,
А звезды – зачинатели Вселенной –
Считают нас, живущих на Земле.

Надежде Русских

Неотразимый черный цвет –
Прическа, платье, антураж...
Но кто ты есть? Ответа нет.
Ты – и оазис, и мираж.

Как появился, как возник
Твой style в потоке моих дней?
Передо мною Дама Пик,
И я, как жертва, перед ней.

И, может, в пешечном строю,
По шахматной доске скользя,
В боб неравном кровь пролью
От шпаги Черного Ферзя.

Или в тумане, на маяк
Пойду, отважный рулевой,
Наткнушь на твой пиратский флаг
И распознаю череп свой!

Ты – ад и рай, клубок страстей!
Ночи греховной нагота!
Мужского пола всех людей
Ты – и погибель, и мечта!

Спроси меня: "Ты свет или тьма,
Какой внутри тебя заряд?"
Отвечу я, сходя с ума,
Что ты – Малевича "Квадрат"!

С тобой, подошвами пыля,
Мы обойдем весь белый свет...
Монашка из монастыря
И кроткий евнух средних лет.

Светлана Федотова–Ивашкевич

Выпускница исторического ПГУ 1990 года Светлана Леонидовна Федотова – писатель, публицист, председатель редакционного совета журнала «Компаньон-magazine». Работала журналистом, финансовым аналитиком в ведущих инвестиционных компаниях Перми. Каждая ее книга становится событием для деловой и политической элиты. Ее книги «Вольный путеводитель», «Молотовский коктейль», «Пермские

моторы: история и легенды», «Судьба Барабанищикова», «Советская Пермь», «Другая, следующая жизнь» в свое время стали откровением в области пермской политики и экономики, которую прежде никто не собирал воедино. Светлана Федотова запустила новый интернет-проект «Реальная Пермь» – серию хронологических очерков об истории города и региона с 1990 по 2015 год. Проект стартовал в июне на сайте газеты «Новый компаньон».

«Реальная Пермь» примечательна тем, что написана в формате парфеновских книг «Намедни». У каждого года есть своя характеристика из ключевых событий, которые значительно повлияли на ход истории Перми и края.

В книгу «Советская Пермь» вошло 12 очерков о людях и событиях, без которых не было бы сегодняшней Перми. По словам автора книги Светланы Федотовой, «только теперь стало ясно, сколько профессор Преображенский сделал для региона: чуть ли не половина экономики Пермского края базируется на освоении открытых им месторождений. Только сейчас пришло понимание, как безумно сложно было в свое время наладить титановое производство и добычу нефти в таких объемах. Только в наши дни мы можем оценить по-настоящему фильмы Константина Березовского, картины Александра Репина – им, как драгоценным винам, «пришел свой черед».

А. Г. Ижболдина

Фрагмент романа «Другая следующая жизнь»

Работа мне предстояла на кафедре гистологии медицинского факультета. Она оказалась легкой: я переписывала карточки, кормила мышей и доставала-убирала банки с препаратами для занятий в том самом сказочном доме, где состоялось мое спасение.

За мной ухаживал тот молодой человек с модными усиками – Юрий. Он тоже работал лаборантом и брал на себя всю грязную работу: мышей, например, препарировал только он.

Он рассказывал массу всяких веселых историй со своим участием. Например, такую: «Однажды жены ректора и вице-губернатора, интересовавшиеся тем, как идут дела в университете, пришли посмотреть на нашу работу. Они были в шляпах со страусовыми перьями, в роскошных боа и муфтах. Я сидел перед анатомической банкой с глицерином и бережно «монтировал» человеческого зародыша по методу Шульца. Наш профессор представил меня так: «Это мой ассистент, а в банке его собственный сын, которого он не пожалел для науки».

Еще за мной ухаживали два Сергея, с которыми мы жили на одном этаже. Один преподавал алгебру и механику, другой – физику. Сергей опекали меня дома. Мы ходили с ними гулять к лесопильному заводу графини Шуваловой, той самой, в империи которой работал Георгий. Один шел слева, другой справа. В такой же конфигурации мы гуляли и к женскому монастырю, который содержат Каменские, и к причалам завода Мешкова и даже в деревню Балатово. Но и в городской сад, и на Черный рынок, и в театр я ходить категорически отказывалась – боялась. Причем мадам Хасаншину встретить боялась больше, чем лысого следователя.

Они очень смешно соперничали за мое внимание. Например, отрежу я колбасу и подам одному из Сергеев. Он тут же скажет: «Вот видишь, Зоя Александровна выделяет меня особо. Первый кусочек колбасы она подала мне». А другой тут же ответит: «Просто он был слегка обветрен, а вот хороший кусочек, со свежим срезом, Зоя Александровна для меня приберегла». Мне было с ними весело и интересно. Более того, я была им очень благодарна за то, что они заботятся обо мне и не оставляют одну. И мне нравились и Юрий и оба Сергея, но как друзья. Сердце мое было занято. Я продолжала думать о Георгии. Мысли были мучительные: так расчесывают разбитую коленку, покрытую коростой. И больно, и не можешь остановиться. Разбил ли он мое сердце или же это я сама расшиблась о придуманную мною же стену? Не знаю. Я ничего не знаю.

В городе тем временем становилось все беспокойнее и страннее, и это было мне на руку: до меня ли людям в погонах, когда в Петербурге какая-то революция.

Я не вникала в это нарастание непонятного, потому что занималась только собой. После всего пережитого я стала настоящей махровой эгоисткой. Просто больше не хотела, чтобы что-нибудь подобное в моей жизни еще произошло. И потому все имеющееся время думала о своей жизни, ведь ответ на вопрос: «Где ошибка?» так и не был найден. На размышления обо всем остальном не было ни времени, ни сил. Ни, если честно, желания. Кроме себя, меня интересовал еще только разве что Уильям Блейк. И то, только потому, что сыграл странную роль в моей жизни. Так прошел год.

Однажды, накануне нового 1918 года, я шла в Кирилло-Мефодиевское училище на работу. Профессор Гандлевский, проезжая мимо в пролетке, решил меня подвезти. Мы снова были в дороге, и, может, потому разговор вернулся к теме, начатой еще в поезде.

— Александр Васильевич, – спросила я его, – а помните, в поезде, когда мы сюда ехали, вы сказали очень интересную, но загадочную фразу про Соню и про икспириенс?

— Я несколько хитрил, милая девушка, – сказал он, – просто мне хотелось еще раз с вами встретиться. И это могло стать поводом для будущей встречи. Вы же любопытная барышня!

— Я не согласна с тем, что Соня – пустоцвет. Ведь она же так искренне любила и умерла именно поэтому. Как вы не понимаете: ведь ее жених женился на другой! Вы что же это, осуждаете умерших за любовь?

— А вы что же, одобряете? За любовь нужно жить. Тем более что в смерти ее не было никакой особой необходимости. Разве что Толстой не знал, что дальше с нею делать.

— Да! И потому он поступил, как разлюбивший мужчина: просто избавился от нее. Ведь разлюбленная женщина все равно что умирает. Она даже его героиней перестала быть. Все время, пока она была ему интересна, он называл ее Соня, а как остыл, тут же написал: «кузина умерла спустя четыре месяца». И все.

— Видите ли, Толстой – великий писатель, а «Война и мир» – великая книга. Не только потому, что, как и на картинах Брейгеля, в ней показано движение огромных народных масс, людского бульона, но еще и потому, что он описывает некие личные стратегии. Стратегия Сони была полюбить раз в жизни и умереть в один день. Она оказалась неверной: есть масса факторов, которые влияют на нас и искажают наш выбор. Один из таких факторов – спасение рода, семьи, в том числе с помощью денег. Простите меня за то, что я сейчас скажу, но это – жизнеспособная стратегия. Как и поведение Наташи Ростовой. Если вы перечитаете роман, то увидите, что первой ее любовью был человек недостойный – и она даже бежала с ним. Помните ту сцену, когда Анатолий просит у цыганки отдать подаренную ей шубу Наташе? И та замялась, но отдала? Заметьте, что Ростова после этого не умирает, а совсем наоборот – получив такой жестокий икспириенс, выходит замуж за Пьера Безухова и предстает перед читателями с детьми и пеленками.

— Так что же, по-вашему, любви нет? Выходит, «ты в сновиденьях мне являлся, незримый, ты мне был уж мил» – это ерунда?

— Любовь – это же атавизм, типа волос под мышкой. У всех какая-то да бывает. Не стоит преувеличивать значение этого чувства. Более того, еще раз простите, но когда в душе происходит тектонический разлом и счет идет на недели и даже на дни, то все равно – кто. Я хочу сказать, что любовь – универсальное спасение и почти все равно, кто окажется на вашем пути в этот момент. А дальше идет притирка, привычка – замена счастью. Более того, любовь можно создать искусственно. Один большой оригинал написал книжку «Костры из незабудок». Любопытное чтение. У меня есть эта книга, могу вам дать почитать. Автор утверждает, что любовь питается письмами и дает шаблоны их написания. По его словам, так можно влюбить в себя самую неприступную красавицу. Главное, чтобы эти письма читали, и гарантирует результат уже на 70-м письме.

— Не соглашусь, категорически не соглашусь. Дело, наверное, в том, что вы, мужчины, устроены проще женщин, – это я намекала на тайное знание, полученное от девушек с улицы Еврейской. – А искра божья? А провидение? Впрочем, меня больше интересует Уильям Блейк. Расскажите мне про эту дурацкую розу побольше.

— Извольте. Мне нравится, что вы запомнили это имя. В Англии он знаменит примерно так же, как у нас Лермонтов или, возможно, Жуковский. Место Пушкина у них занимает, конечно, Уильям Шекспир. Но прямые аналогии здесь неуместны. Ведь Уильям

Блейк считается, например, любимым поэтом самоубийц. Перед смертью они выводят на стене его строчки своей кровью. Он также был любимым поэтом мужчин, которым нравилось смущать девушек: для начала XVIII века его стихи были практически неприличны и вгоняли в краску женщин. Сейчас он становится поэтом людей, которые считают себя опасными. «Tiger, tiger shining bright in the forest of the night», – декламируют они, соблазняя девиц, вдыхая героин или же зовя людей на баррикады. Причем, и это так естественно, при жизни Блейка не понимали – умер он практически в нищете. Но с каждым веком его понимают все лучше и лучше. Он первым написал о том, что мир противоречив: в прекрасном скрывается уродливое, а сила, которая создает зло, вечно творит добро. Вот с этой точки зрения и нужно смотреть на его стихи. Кстати, недавно мне принесли еще один перевод так полюбившегося вам стихотворения Sick Rose. Его написал родственник казанского хирурга Парина. Послушайте:

*О роза, ты гибнешь!
Червь, миру незрим,
В рокотании бури,
Под покровом ночным
Высмотрел ложе
Алого сна твоего
И потайной и мрачной любовью
Губит твое естество.*

— Так в чем смысл-то его стихов? – не очень вежливо спросила я.

— Один мой парижский знакомый, кстати, урожденный китаец, говорил, что Бальзак спасает мир, сбивая юных дев с пути. А Уильям Блейк спасает дев.– Сбивая с пути мир?– Нет. Открывая им новые миры.

— Скажу честно. Мне больше наш Лермонтов нравится, – отчего-то Уильям Блейк вызывал во мне стойкое раздражение, как и взгляды профессора Гандлевского, как и сам он. Нет, все-таки тогда, в поезде, мне он правильно не понравился.

Вскоре профессор передал мне обещанную книгу. Мне не очень-то хотелось ее читать: ведь это была его идея дать мне эти «Костры из незабудок». Поэтому пару дней она пролежала на столе без движения. Наконец, я взяла ее и наугад открыла страницу. Это было письмо №26. «Скрипят уключины, кричат чайки, это моя любовь к тебе будет долгой-долгой, – с нарастающим удивлением читала я. – Ржавая цепь якоря уходит под воду, это мои мысли стремятся к тебе. Сегодня прохладно, и размашистый ветер гоняет по набережной багряные листья – моя тоска по тебе скоро выстудит мое сердце. Запах твоих духов – везде, даже в прокуренной чайной. Это делает меня странным и бешеным, ведь так пахнет долгая дорога. Скорей бы пошел дождь. Он как обещание скорой встречи с тобой».

Что-то страшное вдруг случилось со мной. Как будто внутри разбилось зловерное яйцо и гигантская ложка стала размешивать эту отраву во мне. Я не могла оторваться от этой книжки, как невозможно отвлечься от зрелища пожара. Везде находились знакомые строки.

Вот письмо №18: «В Китае, когда двое влюбленных находятся в разлуке, им стоит только посмотреть на Луну и это равнозначно свиданию. Выгляни в окно, посмотри на Луну, моя любимая. Вот мы и свиделись». Я, как дура, после этого письма каждый вечер смотрела на Луну и мне было так хорошо оттого, что у нас есть тайна, о которой больше никто не знает. Это стало моим ежевечерним обрядом. Более того, даже сейчас я каждый вечер перед

сном смотрела на Луну и думала: «Здравствуй, Георгий. Будь здоров и счастлив!». А вдруг он тоже сейчас на нее смотрит?

Письмо №54 было моим самым любимым. «Если вам понадобится когда-нибудь мое сердце, скажите. Просто скажите мне об этом. Я вырву его из своей груди и положу к вашим ногам. Теплая кровь будет струиться из раны, но мне не будет больно. Если сам я вам при этом не нужен, то я тихо уйду, оставив вам свое сердце. Берите, если вам это зачем-то нужно. Все равно без вас я проживу еще менее, чем без сердца». Помнится, я прорыдала всю ночь над этим письмом. Даже выучила его наизусть. Конечно, Георгий переписывал письма не слово в слово. Автор в предисловии тоже от этого предостерегал. Он инструктировал: «Вам следует освоить прежде всего язык объекта, чье сердце вы хотите покорить. Для этого необходимо составить список наиболее часто употребляемых ею слов. Допустим, выражая свое одобрение, ваша дама предпочитает произносить «превосходно», то и вам следует в письмах заменять «прекрасно, отлично, отменно, великолепно, распрекрасно» на это слово». Кроме того, автор советовал не пренебрегать личными деталями: «Это придаст тексту достоверность и особую искренность». Что же за негодяй такой написал эту подлую книжку?!

Я посмотрела обложку – имени автора не было. Оно стояло внутри, на первой странице: Громов В. Т., профессор. Поймите, так это же тот профессор, который написал статью про психический вирус!

Елисей Чащин

Елисей Владимирович Чащин – пермский поэт. Родился 5 марта 1986 г. В Пермский университет поступил в 2003 г., учился на философском факультете по направлению «Онтология и теория познания».

Свои первые строки Е. В. Чащин написал в возрасте 4–5 лет. По словам самого поэта, уже с детства он стремился понять устройство мира, который его окружает, а стихи помогали все понятое и осмысленное объяснить другим. Для этого он их и писал. Конечно, детские стихи были относительно простыми. Но Е. В. Чащин развивал мастерство, и уже к 15–16 годам поэт выработал целый набор методов и приемов, позволяющих ему переливать мысли в стихи.

Примерно в это же время пришло желание выступить со своими стихотворениями перед аудиторией. Но оказалось, что глубокие философские темы, которые привлекали самого Чащина, школьникам не нравились, Единственное, чем можно было привлечь их внимание, – это стихотворения на злободневные темы из школьной жизни.

Аудитория, готовая воспринимать более глубокие и серьезные тексты, появилась только после поступления Е. В. Чащина в Пермский университет. Студенческие годы стали для Е. В. Чащина временем раскрытия и актуализации творческого потенциала.

Уже к концу четвертого курса у поэта набрался сборник стихов «В добрый путь, поколение 3000!». Позже Е.В. Чащин написал цикл стихотворений «Мелодия сновидений». Все стихотворения, вошедшие в этот цикл и в написанный ранее сборник, поэт делит на две группы – лирико-философские и гражданско-философские.

После окончания философского факультета в Пермском университете Е.В. Чащин начал работать преподавателем в ПНИПУ на кафедре философии права. Времени на творчество стало меньше, но Е.В. Чащин, несмотря на нехватку времени, пишет до сих пор.

Библиография:

1. «В добрый путь, поколение 3000!» – сборник стихов.

Ж. А. Иванова

Мы

В нарушение связи причинно-следственной
Мы под следствием жизни общественной:
неосмысленных мнений, пустых слов,
Досужих домыслов, бредовых снов.
Мы под гнётом масс обстоятельств,
Взятых не нами невыполнимых обязательств.
Невнятных идеалов, что внушались веками,
Жадных маргиналов с безразмерными кошельками.
В изобилии грязи рекламно-агитационной
Глоток свободы, всегда порционной...
Играть днём, играть ночью.
Рвать листы календарные в клочья;
Всё, что пошло; всё, что подло.
Всё, что модно, то – не свободно.
Мы зовём вперёд, а идём назад.
Мы орём: «Да!» – порой не впопад.
Мы ищем Идею, а находим хлам.
Принося свой закон в чужой храм.
Будь-то бы нам выправить велено
Все эти правила, все эти «левела»:
«Ты – прав. А я – лев!»
Я вырву когтями твой «праведный» гнев.
Мы шикаем на другого, но не видим себя.
Каждый день врем по старому снова
И признаёмся в любви не любя.

Прерванный полет

Я падаю словно лист осенний,
Я срываюсь с неба словно птичий крик,
Я хватаю – в том моё спасенье –
Воспоминаний сладостных солнечный блик.

Я безмолвный странник, растворившийся в ночи,
Что, не ведая горя, о счастье забыл.
Я хватаюсь за миг, что бы он ни пророчил,
Забывая весну из последних сил.

Я в запретной тиши ледяного дома,
Закрывая глаза, опускаюсь вниз.
Эти чувства знакомы мне и незнакомы,
Что щемят так и колют, моё сердце пронзив.

Я теряю контроль, забыв о синице,
В исступлении праздном, журавля упустив.
Я подобен всем этим бессмысленным птицам,
Но, быть может, поэтому я ещё жив.

Я падаю словно лист осенний,
Я срываюсь с неба словно птичий крик,
Я хватаю – в том моё спасенье –
Воспоминаний сладостных солнечный блик.

Слово

Слово пронзает, слово калечит,
Воодушевляет и душеньку лечит.
Слово простое, слово смешное,
Слово родное, словушко злое.
Слово нас с детства как будто бы учит,
Слово решает – что лучше, что круче.
Слово зовет нас к свершенью великому
Или к падению в темень безликую...
Слово и гладит, и согревает,
И иногда вместо хлеба бывает...
Не воробей оно и не синица,
Вылетит хватать... И нечем хвалиться!
Слово на подвиги нас провожает
И на безумство однажды толкает...
Слово великим бывает и низким...
Слово далеким бывает и близким.
Слово как искра в огне потребления,
Слово как главный источник сомнения.
Слово – безумство и слово – награда.
Слово есть то, чему многие рады!
Слово и дело, слово умело,
Слово одно не имеет пределов!
Хочется слышать его на планете,
Пусть даже в качестве междометия.
Есть ли нужда говорить, что лишь слово
Первым бывает дороже второго?
Слово не звук и не черточка в тексте.
Слово глубоко сидит в каждом сердце.
Слово – струна на сказочной лире.
Слово в начале всего в этом мире...